

Фридрих Горенштейн
 Андрей Тарковский

Светлый ветер

ПО МОТИВАМ ПОВЕСТИ
 Александра Беляева "Ариэль"

Часть первая

В небольшой келье спал монах. Была светлая лунная ночь, четкие тени тянулись по полу и стенам.

И вдруг раздался стук, но не в дверь, а в потолок кельи. Монах открыл глаза и услышал шум, словно ураган бушевал за окном и выло множество ветров, дующих в разных направлениях. В страхе монах закрыл лицо руками, но кто-то крепко взял его за запястье. Весь дрожа, он открыл глаза. Иисус стоял перед ним и держал его за руку. Монах прошептал что-то, но губы его шевелились без слов и голоса не было. В то же мгновение ярко вспыхнула бесшумная молния и осветила келью. Монах упал навзничь...

За окном была тихая лунная ночь. Он поднялся и сел на кровати, опустив босые ноги. Долго не мог успокоиться. Потом встал, подошел к двери, налил из кувшина воды и выпил, не отрываясь, целую кружку.

Сразу за стеной монастыря была проросшая жесткой травой поляна, над которой высились седые оливы. Здесь было прохладно от протекающего неподалеку ручья, но дальше, к горизонту, тянулась высушенная, залитая солнцем равнина, окаймленная красноватыми горами.

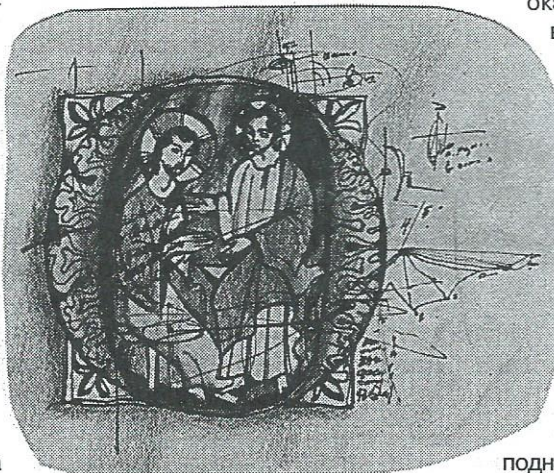
Два человека лежали в траве. Один был худой, с жесткими чертами лица, второй, наоборот, упитан, и мягкость линий делала его почти добродушным. Худого звали Деккером, упитанного — Клафом.

— Вы что, спите?
 — окликнул худой, поднявшись на локте.

— Нет, — отозвался Клаф, не открывая глаз. — Так легче думать. Правда, если вопрос слишком труден, случается и задремать.

— Разве проблема судьбы человечества — трудный вопрос? — спросил Деккер, покусывая травинку. — Он достаточно проанализирован в Апокалипсисе.

— Мне кажется, вы чрезмерно увлеклись

философией, – сказал Клаф. – Занятия ею неизбежно рождает пессимизм.

– Как раз наоборот. Пессимизм рождает философию. Какое сегодня число?... До конца XIX века осталось 7 месяцев. Разве это не достаточный повод для пессимизма?..

– Fine de siecle! Здесь целая система! – улыбнулся Клаф. – Конец века!

– На днях я листал старые журналы, – сказал Деккер. – Всюду безумные надежды, необузданный оптимизм, бессмысленная вера в человека, в Бога, в общество, в науку... Наконец, и в науку... Вы не улыбайтесь... То, что я переменял пять университетов и вынужден был укрыться здесь, говорит лишь о том, что наука стала прочным и прибыльным делом, а ученый – уважаемым членом общества... Вот почему в науку повалила посредственность.

– Такой лаборатории, как здесь, вы не получите ни в одном университете, – сказал Клаф.

– Давайте-ка лучше займемся статистикой, это успокаивает нервы. Вы когда-нибудь думали о том, что дали науке все предшествующие века по сравнению с нашим? Начнем с нуля, с дикости... Употребление огня – раз, компас – два, паровая машина – три... Телескоп, барометр и термометр, книгопечатание, арабские цифры, основы электричества, порох, алфавит... Да – забыл – колесо...

– Законы тяготения, – подсказал Деккер.

– Законы Кеплера, – сказал Клаф.

– Дифференциальное исчисление, осмысление принципов кровообращения, доказательство конечности скорости света, развитие геометрии, – закончил Деккер.

– И все, – сказал Клаф. – Вот великие открытия всех времен. А вот что дал один лишь XIX век – железные дороги, паровые суда, электрический телеграф, телефон, спички, газовое освещение, электрическое освещение, фотография, фонограф...

– Рентгеновские лучи, спектральный анализ, анестезирующие средства... – перебил Деккер.

– Закон сохранения энергии, прямое определение скорости света, опытное доказательство вращения Земли, открытие метеоритов и метеорическая теория, – продолжал Клаф.

– Открытие существования ледникового периода, установление эволюции организмов, теория клетки и эмбриология, действие лейкоцитов, – сказал Деккер.

– Соотношение 3:2, – сказал Клаф, – подтверждение исторического оптимизма статистикой.

– Да-да, – ухмыльнулся Деккер. – “Человечество, развиваясь, совершенствуется”.

– Вы не согласны? – спросил Клаф.

– Мне ближе эмпирическое, а не умозрительное восприятие, поэтому я не верю проповедникам вообще... “Они потихоньку пьют вино, а вслух проповедуют воду...” Это Гейне.

– Среди них есть и искренние люди...

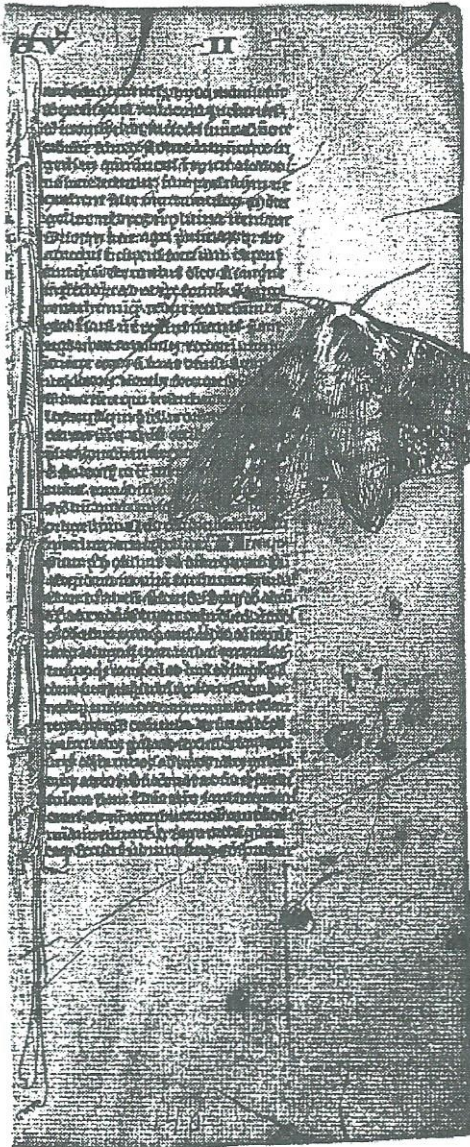
– Они-то и опаснее всех, – сказал Деккер. – Что может быть страшнее искренних заблуждений?

– Последнее время, – сказал Клаф, – у вас по ночам свет в окнах... Или вы спите при свечах?

– Ад, грех, откровение в духе св. Иоанна, все это было изобретено ночью, в бессонницу... Но стоит лечь на землю, вытянуться, посмотреть в небо – и самое ужасное становится смешным, жизнь наша – вечной, а мир прочным... – Деккер лег навзничь, положив руки за голову, глянул в чистое синее небо и, вздохнув, улыбнулся...

Григориус исповедовал послушника. Исповедь эта была лишена ритуала и напоминала обыкновенную беседу старого человека с молодым, который во всем доверяет старшему. На чисто выбеленных стенах висело две гравюры Рафаэля, между ними – распятие. На маленьком столике лежала Библия в старом кожаном переплете. На подоконнике стояли горшки с цветками.

– Во время вечерней молитвы, – подавленно говорил послушник, – я чувствовал радость, какой давно уже не испытывал. А когда вышел во двор, мне опять стало страшно. Я знал, что не засну, и стал читать. Но я не находил утешения в Писании. Временами оно вызывало во мне даже раздражение. Тогда я почувствовал себя таким усталым, что отложил книгу и лег. Но уснуть не смог. Через некоторое время я услышал над головой стук, потом начался

шум, и я почувствовал, что дрожу. Кругом был такой шум, словно столкнулось много ветров, и тут кто-то взял мое левое запястье и так держал меня. Я посмотрел и узнал его. Это был Он. Иисус. Он говорил со мной, но о чем – не помню, и что дальше было, тоже не помню. Очнулся я сидящим на кровати. Меня трясло, я даже подумал, что заболел... И вспомнить ничего из этого, о чем Он говорил со мной, я так и не смог. Это было хуже всего.

– Филипп, – помолчав некоторое время, сказал о. Григориус, – ты мне веришь?

– Я люблю вас, отец, – ответил Филипп.

– Тогда слушай.

Старик подошел к полке, взял книгу, раскрыл ее и прочел описание одного из видений человека, о котором в ней рассказывалось.

– Это жизнеописание Беме. Ты брал у меня эту книгу? – спросил о. Григориус.

– Да.

– Все, что ты мне сейчас рассказал, ты вычитал отсюда.

– Нет, – сказал Филипп.

– То, что ты мне рассказал – неправда, – твердо и резко сказал о. Григориус.

– Как неправда? – удивленно, но прямо Филипп посмотрел в глаза своему наставнику.

– Для обмана нет запретного. Господь создал жажду для алчных... Иди, я сделаю все, чтобы помочь тебе, – он перекрестил Филиппа, а тот, наклонившись, поцеловал его руку.

О. Григориус и настоятель монастыря о. Мартин – широкоплечий, со скуластым крестьянским лицом – шли по тропе среди выгоревшей сухой травы. Был белый знойный полдень.

– Вы не огорчитесь, если этот разговор я начну здесь? – спросил настоятель. – Для этого я вас и позвал с собой, собственно.

– Я слушаю вас, – сказал о. Григориус.

– На ваш трактат и приложенное к нему послание получен ответ, – сказал настоятель. – Вас не одобряют, и вами недовольны.

– Моя судьба не беспокоит меня, – сказал о. Григориус. – Под угрозой святость христианства. Крест в глазах многих не без оснований превращается в символ стяжательства. Надо спасти веру, а вы спасаете свою власть... Церковь разлюбила человека... Надо полюбить его снова... Церковь не может существовать, потакая тем, кого Иисус изгнал из храма, превращенного торговцами в базар. Пусть в момент душевного разброда многие ищут успокоения в рационализме и науке... Мы же должны ждать, пока, устав и разочаровавшись, люди снова нас позовут. А они позовут. Я верю, ибо человек беззащитен.

– Значит, катакомбы? – с усмешкой спросил настоятель.

– Да, если потребуется, опять катакомбы, – с жаром воскликнул о. Григориус.

– Страх ваш понятен. Вы слишком долго жили затворником. Но как совместить с вашей честностью донос на меня о том, что я приютил в монастыре чуть ли не алхимиков и чернокнижников...

– Я растоптал бы ногами их лабораторию, – с неожиданной злобой сказал о. Григориус.

– Господи, как у вас злобой глаза сейчас сверкнули, – сказал настоятель. – Сейчас не XVI век... "Катакомбы"... Мы должны жить в том мире, какой существует.

– Сейчас мало кто верит тихо и кротко, – продолжал о. Григориус. – Даже собственные видения сейчас заимствуют из книг, и означают они не веру, а нервное состояние умов, материализм и гордыню... То же и в нашем монастыре... Унижение, солдатская муштра и дурная пища могут родить среди монахов мечты только гордые и злобные...

– Наш метод воспитания, – уже сухо и чуть ли не враждебно сказал настоятель, – включает воспитание воли, умение ограничить, обуздать себя, подавить мысль... Ибо вера – это чувство...

– Тот, кто боится Бога, может его возненавидеть. Костры инквизиции готовили нынешнее нашествие науки и рационализма.

– Подобные речи можно назвать и отступничеством, – сказал настоятель уже с угрозой. – А некоторых особо строптивых отступников предают отлучению... Я не уверен, правильно ли вы влияете на молодые умы. Ваш воспитанник Филипп...

– Это натура ищущая, но нервная и слишком впечатлительная, – перебил о. Григориус. – "Мог светить как безгрешный, но не светил". Это словно о нем сказано. В таких натурах, как он, может вспыхнуть материальное желание. Пожалейте их, отец, – сказал он с неожиданной мольбой в голосе. – Жалейте их, пока они наши.

– Я подумаю о нем, – сказал настоятель смягчаясь.

– Не дай Господь, – сказал о. Григориус, – если такой усомнится!

Они подходили к колодцу, у которого толпились крестьяне. Земля вокруг потрепалась от зноя. Темнокожий юноша поил буйвола из деревянной колоды.

– Вот оно – начало начал, – сказал о. Мартин. – Вот они – истоки веры.

– Здесь небо ближе, – вздохнул о. Григориус.

Они взяли из рук юноши кожаное ведро и омыли мутной водой воспаленные лица.

В трапезной ужинали. За длинными столами сидели монахи, послушники и ели в полной тишине, молча и скучно, словно совершали надоевший обряд. Перед каждым на деревянной тарелке лежали лепешки и горстка земляных орехов. На столах стояли глиняные кувшины с водой.

О. Мартин и о. Григориус сидели во главе стола и молча пили воду из глиняных кружек.

Филипп, не прикасаясь к еде, старался взглядом встретиться с глазами о. Григориуса. Трапеза кончалась. Прочли молитву, и, встав друг за другом, все двинулись к деревянному корыту, где, ополоснув свои миски, сложили их ровной горкой. Филипп вышел со всеми, так и не прикоснувшись к еде.

Деккер сидел на земле среди высоких олив. Рядом с ним стояла большая клетка, полная лягушек, ползающих и прыгающих друг по другу. В сухой траве посвистывал ветер. Склоны далеких гор были покрыты облаками.

– Профессор, куда вы девались? – слышался голос Клафа. – Дверь заперта изнутри. Я стучал полчаса, думал, с вами что-нибудь случилось.

– Я вылез в окно... – сказал Деккер. – Хотел хоть ненадолго избавиться от вас и побыть один. Вы человек полезный. В работе. Но иногда вы становитесь невыносимы.

– Бессонница? – сказал Клаф. – Апокалиптическое восприятие? Но ведь вы нашли способ – лечь на землю и смотреть в небо.

– Перестаньте фиглярствовать! – вдруг злобно крикнул Деккер.

– Я не фиглярствую, – тихо ответил Клаф. – Я сам часто прибегаю к вашему методу.

– Поймите, – сказал Деккер после паузы. – Мы в тупике... – он ткнул ногой в клетку с лягушками. – От решения пробле-

мы мы сейчас так же далеки, как и пятнадцать лет назад.

– Мы не готовы!.. Просто не готовы!.. Мы переоценили свои силы! Может быть, вам пойти отдохнуть? – сказал Клаф. – А этим займусь я?

Лягушки в клетке проявляли беспокойство, образовав некий странный, словно парящий внутри клетки, рой.

– Занимайтесь, – безразлично сказал Деккер и встал. – Занимайтесь, а мне надоело быть таким непризнанным гением.

Он усмехнулся, махнул рукой и, тяжело волоча ноги, поплелся в сторону монастыря. Остановился.

– Пока я был молод, горяч и гоним, – крикнул он издали, – я думал, что эта проблема разрешима на пересечении физики, биологии и физиологии... Но теперь, после пятнадцати лет тяжелого труда и размышлений, я понял – нет, милые мои... Здесь нужен гораздо более широкий синтез... Синтез нравственности и знания, науки и морали, разума и инстинкта... Не знаю, может, кто-нибудь, когда-нибудь и достигнет этого, но я не могу и не хочу! – воскликнул он неожиданно громко. – Ибо веры во мне более нет, и в Боге я начал сомневаться... Начал сомневаться даже в Ньютоне, создателе той Вселенной, в которую наука верит уже два столетия... Я весь в сомнениях, господа, я мертв... Отрекаюсь! – крикнул он визгливым голосом. – Прощайте! – Он церемонно поклонился и пошел по полю к монастырским стенам.

– Простите, профессор! – тревожно позвал Клаф и, нагнав Деккера, взял его за руку. – Мне кажется, вы сегодня совсем уж дурно выглядите... Я как-то сразу не понял...

– Оставьте! – крикнул Деккер и, с силой вырвав руку, чуть не побежал по дороге.

Клетка были завешены циновками. Кроме профессора в келье был служка, низенький монашек, который занимался уборкой.

– Что-то душно, – сказал Деккер, расстегивая рубаху.

– Дождь будет, – сказал монашек.

– Тебе тоже душно? – спросил Деккер.

– На солнце работать? Злобствовать.

– Да, ропот – это прихоть, – сказал Деккер. – Помнишь, монах? “Пришельцы между нами стали обнаруживать прихоти, а следом за пришельцами и подлин-

ные сыны сидели и плакали и говорили – кто накормит нас мясом?..”

Деккер порывисто подошел к столу, где лежало множество книг с закладками, взял одну.

– “... Мы помним рыбу, которую в Египте мы ели даром, огурцы и дыни, и лук, и репчатый лук, и чеснок. А ныне душа наша изнывает, ничего нет, только манна в глазах наших...”

– Это Числа, – сказал монах. – Капитул одиннадцатый. Далее сказано: “Манна же была подобна кориандровому семени. Народ ходил и собирал ее и молот в жерновах...”

– А ты любишь Бога?

– Страшно вы очень спрашиваете, – сказал служка.

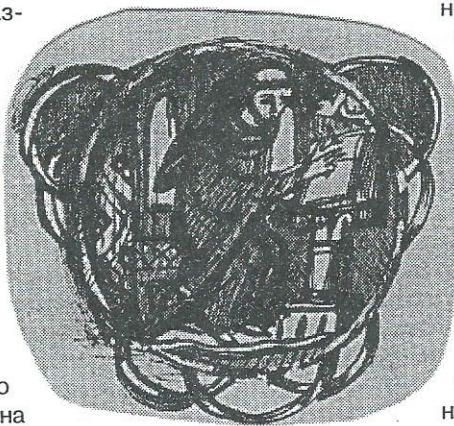
– Почему страшно? – спросил Деккер.

– Больны вы душой. Жалко мне вас...

– Спасибо тебе, – тихо ответил Деккер.

– Не любят вас в монастыре, о. Григориус – человек добрый, хороший, а о вас говорит дурно.

– Жалко, – сказал Деккер. – Я пришелец, а о пришельцах зачем плохо говорить... Они приходят и уходят... Но вам, постоянным жителям этого мира, разве хоть иногда не хочется задуматься?.. Вот слушай, – он открыл другую книгу: – “...Взгляни, друг мой, на подлинные деяния этого христианского мира. Они воистину вызывают к Иисусу, единственному сыну в момент нужды, но они забывают Его учение и Его жизнь, как упрямые дети, пренебрегающие предупреждением. Они погрязли во всех видах невоздержанности, гордости и порока. Где вы видели ми-

лосердие в этом немилосердном мире?”

– Нечистые книжки вы читаете, – сказал служка. – О таких книжках и говорит о. Григориус... Вы Бога не любите, – испугался вдруг он, пораженный страшной догадкой.

– Тебя как зовут? – спросил Деккер.

– Иаков, – сказал монах.

– Хм... А ты с ангелом никогда не дрался? А, Иаков? Пошел вон, – неожиданно тихо и холодно сказал Деккер, – передай настоятелю, чтобы мне прислали другого.

Когда Иаков скрылся за дверью, Деккер с силой, подняв пыль, сорвал с окна циновку. Жаркое солнце потоком хлынуло в келью. Профессор стоял, запрокинув голову. Впервые за весь день лицо его было спокойно, но странно, как лицо человека, говорящего с самим собой.

“Мыслью, следовательно существую, сказал пришелец Декарт. Человеку, который мыслит, не нужно иметь доказательств бытия... Ну, а исходная идея – вот где Декарт запутался... Кто создает исходную идею?.. Где исходная идея нашего мира?.. Кем она рождена?.. Вот где тупик, мешающий человеку жить и созидать... Декарт умер от воспаления легких... Пришел и ушел, не завершив труда... Тот, кто сможет завершить свой труд, поймет исходную идею... Только не я... Это будет кто-то другой. Жаль... Как жаль... Ах, как жаль...”

И он горько заплакал.

Филипп шел по горной тропинке в сторону нищей деревни, дома которой лепились к скалам. Кое-где на склонах сухо желтели тощие виноградники. Темнолицые люди окучивали лозы мотыгами. У высохшей горной речушки несколько костлявых буйволов лизали мокрый песок.

В центре деревни, на небольшой площади был сооружен дощатый сарай с крестом.

– У вас тут умирает кто-то. В каком доме? – спросил Филипп.

Умирающему было лет тридцать. Он в беспамятстве лежал на циновке, укрытый кошмой. Вся семья его: отец, мать, жена, братья и сестры – толпилась в тесном помещении, что еще более усиливало духоту. Филипп сидел на полу, ожидая, когда к умирающему вернется сознание. Тот уже несколько раз приходил в себя, но ненадолго, смотрел бессмысленно и вскоре вновь впадал в оцепенение. Вдруг он открыл глаза.

– Что? – тихо спросил он.

– Я пришел тебя исповедать, – сказал Филипп.

На лице умирающего появилось что-то похожее на усмешку.

– Опоздал ты.

– Почему? – спросил Филипп.

– Я уже был там, – сказал умирающий.

– Где?

– Там... Я ненадолго...

Филипп беспомощно оглянулся по сторонам.

– Смешно, – еле слышно сказал умирающий.

– Почему смешно? – спросил Филипп.

– Так, – сказал умирающий. – Ничего там нет нового.

– Там все, как здесь? – взволнованно спросил Филипп.

– Нет. Там другое все... Но к этому так быстро привыкаешь, что все кажется не новым, а как будто ты был там всегда.

– И что ты там делаешь?

– Я... шел... Я шел там... Мягко там... Нога вязнет...

– Как в болоте? – спросил Филипп, с жадностью ловя каждое слово.

– Нет, – сказал умирающий. – Чисто. Нога вязнет, а следов не остается. Я нарочно оглядывался. Прощел человек и точно не ходил.

Умирающий слабел.

– А ты чувствовал себя? – спросил, при-

близившись вплотную к его лицу, Филипп. – Ты был один?

Умиравший молчал. Местный знахарь приблизился к нему, держа тарелку с вином, в которой он намочил губку.

Филипп схватил губку и прижал ее к губам умирающего. Тот снова открыл глаза.

– Говори, – потребовал Филипп.

– Что? – тихо спросил умирающий. – Кто ты?

– Ты рассказывал мне... – нетерпеливо говорил Филипп. – Ты говорил, как был там...

– Уйди...

– А Бог? Ты видел Его?

– Нет, – сказал умирающий. – Ничего там нет. Ничего нового... Идешь – отдыхаешь, опять идешь – отдыхаешь в тени...

– В тени? – вздрогнул Филипп. – В какой тени?

– В тени. От дерева, – сказал умирающий.

– Какого дерева?

– Шелковица... Ветви ее касались каменной стены.

Филипп смотрел на него в растерянности.

– Да ты дурачишь меня, – злобно прошипел он. – Ты обманывал меня... Скажи, ты обманул меня?

Филипп вырвал губку из рук знахаря и снова прижал ее к губам умирающего:

– Прошу тебя... Это очень важно... Ты обманул меня? Да?

Умиравший молчал.

– Он умирает, – сказал знахарь.

И приблизившись к умирающему, принялся вливать ему в рот какую-то темную жидкость.

Духота была нестерпимая. И низкие тучи, и застывшие в неподвижности деревья – все настолько напряглось, что, казалось, достигло предела. Филипп вышел на дорогу. Некоторое время он шел, задумавшись и глядя в землю. Потом вдруг повернулся и бросился назад. Почти бегом он достиг двора, пересек его и снова вошел в дом. Родственники столпились у циновки.

– Мне спросить надо, – просил Филипп, словно в лихорадке, протискиваясь к циновке, – я забыл... самое главное... забыл узнать.

– Нельзя к нему, – сказал знахарь. – Видишь!

Сын кузнеца лежал без дыхания, со спокойным лицом и закрытыми глазами.

Филипп снова вышел во двор. Тут уже все переменялось. Деревья гнулись от ветра, стало прохладнее, и наконец, точно прорвало и миновало что-то, хлынул ливень. И вдруг в потоках дождя какой-то предмет пролетел в воздухе и шлепнулся у ног Филиппа. Это была лягушка. Следом шмякнулась вторая, затем третья. Весь мокрый стоял Филипп под дождем и смотрел на падающих с неба лягушек.

Филипп шел по монастырскому коридору, неся на подносе укрытый чистой салфеткой обед. Его нагнал Иаков.

– Тебя к доктору Деккеру в услужение направили?

– Да.

– Он тебя хорошо принял?

– Хорошо, – сказал Филипп.

– Большой он... – сказал Иаков. – Покой ему нужен. Я при нем был. Только недолго. Выгнал он меня. Ты с ним не спорь.

– Меня не выгонит, – сказал Филипп.

– Ты вот что, – говорил Иаков. – Ты по утрам его не отвлекай. Вошел бочком, жареных орехов с молоком поставил и вышел... Он жареные орехи с молоком любит... Но сам не скажет, это ты догадаться должен, что и когда ему подавать.

Филипп не ответил.

Страшно исхудавший профессор сидел в кресле и глядел в одну точку. Филипп повязал ему на грудь клеенчатый передник и принялся кормить с ложечки. Вошел Клаф, поклонился и сел неподалеку от двери.

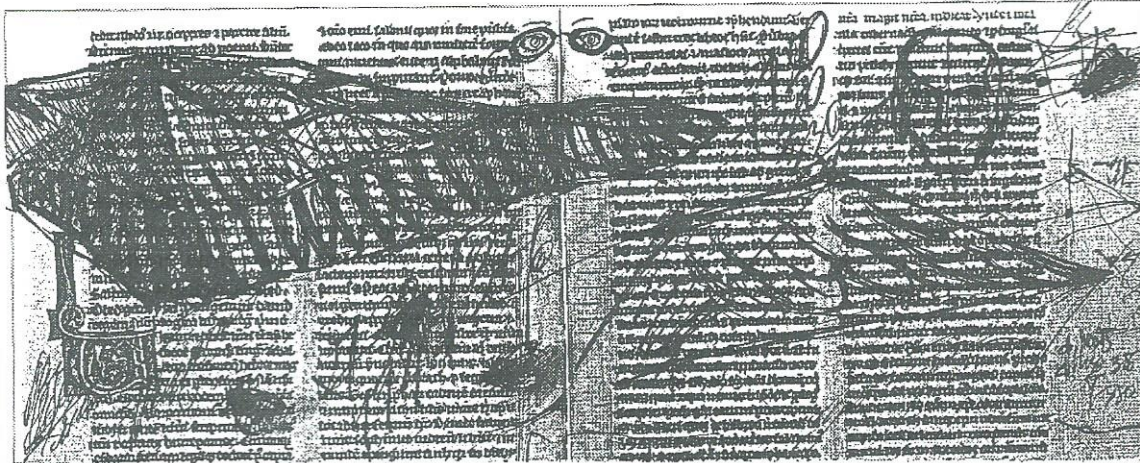
– Как вы себя чувствуете, профессор? – спросил Клаф.

Деккер промолчал.

– Напрасно вы сердитесь. Я ни в чем не виноват, – сказал Клаф. – Более того, мне пришлось затратить немало усилий, чтобы замять этот ваш скандал. Покуситься на самоубийство в монастыре ордена Босых Кармелитов!

Деккер по-прежнему молчал, глядя в стену. Филипп собирал на поднос грязную посуду.

– Ну хорошо, – сказал Клаф. – Вы не

хотите разговаривать со мной, вашим ассистентом, с человеком, отдавшим десять лет своей жизни вашей идее. Тогда я поговорю с вами так, как говорил бы с вами ваш противник. Человек, который берет под сомнение не только вашу идею, но и ваш образ мышления, ваше мировоззрение... Статью о вас я мог бы озаглавить так: "Идеи Ньютона и мистика ума профессора Деккера"...

– Какая чушь, – словно очнулся Деккер. – Вы явно не справились бы с ролью моего оппонента. Всем известно, что я давно не имею никакого отношения к мистике.

– Пока это известно только клерикалам, которые называют вас юродствующим материалистом... Итак, дамы и господа, – Клаф встал и прошелся по комнате, – дамы и господа, двести лет назад, примерно между 1710 и 1715-м годами теория Ньютона приобретает известность, но лишь теперь она становится в обществе модной и популярной. Однако стать модным еще не значит быть понятным. Чаще бывает как раз наоборот. Ведь для понимания чего-либо серьезного необходим достаточно высокий уровень культуры и образованности, а на этом уровне современное общество, увы, еще не находится. Вот тут-то и появляются на общественных подмостках всякого рода проповедники и популяризаторы. Некий профессор Деккер, ныне исчезнувший с общественного горизонта, лет десять назад слыл своего рода апостолом ньютонианства. Читая лекции, он высказывал мысли, почерпнутые у Ньютона, но они звучали у него как откровение и не столько про-

буждали мысли слушателей, сколько поражали их воображение, подобно ритуальным завываниям шаманов и колдунов.

Деккер сделал беспокойный жест. Мисочка с недоеденным супом опрокинулась. Филипп торопливо вытер лужицу и промокнул салфеткой лицо профессора.

– Я ведь говорю не от себя, – сказал Клаф. – Я выступаю от имени некоего третьего, нашего с вами, профессор, общего противника... Итак, дамы и господа, как известно, лекции профессора Деккера всегда сопровождалась опытами, а эта сторона у него была поставлена блестяще. Он казался магом, демонстрирующим детям волшебный фонарь.

Однако, дамы и господа, от непонимания идеи до ее вульгаризации всего один шаг, что подтверждает печальный опыт прошлого. Как мы знаем, профессор Оксфорда Жан Дезаглие пытался даже перенести механические представления Ньютона на общественную жизнь. Так, в своей работе "Ньютоновская система мира – лучший прообраз государственной власти" он утверждает, что, согласно доктрине Ньютона, только то правительство законно, которое отвечает законам природы и ее системе равновесия.

– При чем здесь я, черт вас возьми совсем? – крикнул Деккер. – Я неоднократно и публично опровергал теорию Дезаглие.

– Конечно, – ответил Клаф, входя в роль. – Конечно, нам известно, что вы открещивались от взглядов Дезаглие, профессор. И все-таки мы смеем утверждать, что между вами существует глубокое фа-

мильное родство. Экспериментальная философия Деагалие, где Бог якобы великий архитектор мира...

– Опять путаница! – крикнул Деккер. – Как раз это сильная сторона Деагалие. Бог познается не как откровение, а предстает внешнему созерцанию. Его можно будет отыскать расчетным путем. Он явится человеку как экспериментальный факт. Все наши знания о природе покоятся на фактах, ибо без наблюдения и факта наша натурфилософия – искусство слова, непонятный жаргон... Мне неприятно в Деагалие другое – попытка приспособить науку к политике... Разве не понятно, что клерикалы, приспособившие религию к целям политики, погубили веру? Религия исчерпала себя, с ней кончено... Ее не оживить... На смену религии пришла наука. И не умоглядная наука, а эксперимент есть высшее и самоочевидное доказательство бытия Божия...

– За подобные мысли клерикалы и называли вас юродствующим материалистом... Я все-таки хочу закончить разговор от третьего лица... Итак, дамы и господа, мы не берем под сомнение ни порядочность профессора Деккера, ни его талант экспериментатора. Но фетишизируя эксперимент, Деккер в теории, по сути, сошел с научной почвы. Он как бы изгоняет процесс мышления, интуицию и логику из акта познания. Внешнему опыту он приписывает такие же мистические свойства, какими наделяли внутренний опыт другие мистические и религиозные системы. Так рождается мистика ума, из которого сам ум изгнан, для которого он только вывеска.

– Хватит! – крикнул Деккер. Он был в сильном волнении. Пошатываясь он вышел на середину комнаты. – Чувшь какая-то! Какая-то дикая нелепость!

– Прошу помнить, – сказал Клаф, – что я говорил от третьего лица.

– Если вы способны сочинить такое... – сказал Деккер.

– Я ничего не сочинил, – сказал Клаф и вынул из кармана газету. – Я просто изложил своими словами то, что здесь написано. Обратите внимание на заголовок – "Теория Ньютона и мистика ума профессора Деккера".

– Что это за газета? – спросил Деккер. – Кто написал?

– Неважно, – сказал Клаф. – Автор – какой-то сторонник социальных реформ... Не знаю... Я ничего не понимаю в их классификации. Важно другое... Им ненавистны ваши идеи, они стремятся к хаосу, и с каждым годом их становится все больше.

– Эксперимент лежал в основе всех великих достижений человечества, начиная с использования огня, – не слушая собеседника, заметил Деккер. – Огонь не был понят умозрительно.

– Вы ведь знаете, – сказал Клаф. – Мы можем выбрать для опыта любого в этом монастыре.

– Да-да, конечно, вы правы, – сказал Деккер. – Я усомнился... Меня начали мучить соблазны понять общую картину происходящего... Куда все-таки идут события? И какова драма идей... Все-таки не даю я им покоя...

Он вдруг зашатался, и Филипп едва успел подхватить его.

 Филипп сидел в келье о. Григориуса.

– Ты стал замкнут, – говорил старик. – Мне даже показалось, что ты избегаешь меня. Вчера, увидев меня в саду, ты свернул на соседнюю аллею.

– Я не заметил вас, – сказал Филипп. – Я теперь прислушиваю доктору Деккеру. И все время занят.

– Я поговорю с о. Мартином, чтоб он освободил тебя от этого. Он на тебя плохо влияет.

– Почему? – спросил Филипп. – Мне с ним интересно.

– О каком интересе ты говоришь?

– О том, с которым рождается каждый человек.

– Объясни мне, я не понимаю.

– Да что ж объяснять... Вот я верил вам, но вы не ответили мне ни на один вопрос, который приходил мне в голову, стоит лишь задуматься... Зачем я родился?... Что случится со мной, когда я умру?... И почему я должен умереть? Скажите мне, почему я должен умереть, и я не испугаюсь смерти.

– Кто тебе сказал, что ты умрешь?

– До этого я подумался сам!

– И ты можешь сказать мне, куда денется твоя душа?

– Умрет вместе со мной.

– Профессор объяснил тебе все это?

– Я с ним не говорил об этом еще ни

разу, но часто слушал его со стороны и многое понял. По крайней мере, у него все просто. Я родился по случайному стечению обстоятельств и живу, чтобы проявить себя, и умру, чтоб уступить место другим... Объясните мне, что это не так, и я пойду за вами, куда вы потребуете, и сделаю все, что прикажете.

– Объяснить это невозможно!!! – заорал о. Григориус. – Для того чтобы понять, что это не так, надо верить! Верить!

– Во что?!

– В Творца!

– Профессор тоже верит в творца, но его творец мне понятней и полезней.

– Полезней?! Ты гибнешь, Филипп, – демонстративно успокоившись, почти шепотом сказал о. Григориус. – То, во что ты хочешь верить, даже атеисты называют вульгарным материализмом брюха. Я читал недавно любопытную книгу одного атеиста. Конечно, основа в ней ложна, но в ней интересен призыв верить в идеал... Сам идеал их нелеп, но идея верна. Я хочу, чтобы ты эту книгу прочитал. Только не показывай ее о. Мартину.

– Почему? – спросил Филипп.

– Она запрещена церковью, – ответил о. Григориус.

Филипп вдруг захохотал.

– Вот вы, отец, истинно в Бога не верите.

– Бог в сердце, а не в церкви! – воскликнул о. Григориус. – Церковь сложена руками человека.

– В Бога верят люди, а не ангелы, – сказал Филипп. – Я человек, и я верю в человеческого бога. А тот Бог, в которого верите вы, людям не нужен. Он им не приносит пользы...

– Нет, именно он-то и нужен! Тот, который не приносит материальной пользы, но которым движется душа!.. Филипп! Тщеславие не столько удовлетворяет, сколько распалает!.. Ты никогда не будешь счастлив!

– Вы хотите создать какое-то несбыточное счастье для всех, – сказал Филипп, – но ведь каждый рожден для своего счастья... Конечно, не всякий способен его найти. Но я чувствую в себе силы. Я верю в себя. Я не хочу больше мучить себя! – чуть не крикнул он.

– Я буду бороться за твою душу, – сказал о. Григориус.

– Я попрошу настоятеля назначить мне другого духовника, – сухо сказал Филипп и вышел из кельи.

Было прохладно, и пряно пахло вечерними цветами. Деккер и Филипп сидели на скамейке. Над садом мерцали звезды.

– Каждый наш шаг, каждая былинка, каждое дуновение ветра – это Бог, – говорил Филипп, – этим я жил много лет.

– Верно, – говорил Деккер. – От мира к Богу и от Бога к миру... Это верно... Мысль наша движется по кругу...

– Что? – переспросил Филипп, морща лоб.

– Ты сказал: “Все, что вокруг нас – Бог”. Скажи мне, что дает эта правда именно тебе?

– Ничего, – сказал Филипп.

– Ошибаешься, – сказал Деккер. – Она не дает тебе ничего, кроме разочарований... Священники говорят: “Бог всюду, он существует во всем”. И в то же время, если оглянуться вокруг, то нечестивцы благоденствуют, благочестивые бедствуют, вера в само милосердие во Вселенной отвергается огнем и мечом, кровь безвинных льется рекой, мороз побивает еще не успевшие распуститься цветы, зной испепеляет урожай и обрекает на голод честных людей... Здесь был тупик, пока властвовала религия... Но ныне она уже теряет власть над нами... Религия придумала Бога, наука его познает... Их Бог давно уже создан, наш лишь рождается.

– Значит, его еще нет? – сказал Филипп.

– Его пока нет для нас, также как не было для нас далеких планет и созвездий, пока не изобрели телескопы... Они верят, мы находим... Не в книгах ищи Бога, а в природе... В камнях, в тварях, даже в стихии... в себе. Один бывший мой друг, увлекшийся впоследствии материализмом, как-то, когда я впервые изложил ему эту мысль (это было давно)... Так вот, когда я впервые сказал ему о поисках Бога расчетным математическим путем, ответил мне: “Люди, подобные тебе, ищут пути в небе по той простой причине, что сбились с дороги на земле...” Нет, милый мой, человек не сбился с дороги, он просто широко распространился по земле и воде... Ему тесно. Но небо еще свободно.

– Сделайте из меня летающего человека, – вдруг просительно сказал Филипп. – Вам ведь все равно, кто это будет?

Некоторое время Деккер пристально разглядывал Филиппа, точно видел его впервые.

– Нет, не все равно, – сказал, помолчав, Деккер. – В тебе много неудовлетворенности. Но неудовлетворенности смутной, чисто эмоциональной, без понимания сути.

– Но я хочу понять, научите меня, – сказал Филипп и, опустившись на колени, припал к руке профессора Деккера, точно так же, как ранее припадал к руке о. Григориуса.

В соборе было пусто, служба давно кончилась. Служители гасили свечи, мыли пол. О. Мартин и о. Григориус разговаривали шепотом, как и полагается в храме, хотя разговор этот был, скорее, похож на ссору.

– Он соблазнил его, – шепотом говорил о. Григориус, – этот фальшивомонетчик...

– Вы ведь неглупый человек, – отвечал настоятель, досадливо морщась. – А сейчас, извините меня, говорите пошлости. Доктор Деккер ученый. Наука не может быть врагом религии, она официально признана церковью.

– Это ошибка! – невольно повысил голос о. Григориус.

– Тише! – сказал настоятель.

– Это ошибка, – шепотом повторил о. Григориус. – Только через Бога человек может познать природу. Познание через науку ведет к страданию и ненависти.

– Наука, так же как земледелие, скотоводство или промышленность, есть практическая форма деятельности человека, которая ниспослана свыше. Вам не кажется, что вы, возвеличивая, выделяя науку, тем самым сами делаете ее духовным врагом религии?.. Религия выше познания.

– Вы слепы! – вскричал о. Григориус. – Вы слепы. – тихо повторил он, поймав строгий взгляд о. Мартина, – вы слепы, ибо думаете, что борьба между наукой и религией разворачивается на поприще познания... Пример с Филиппом, с этим многообещающим юношей, лишний раз доказывает, что поприще, где разворачивается

борьба между наукой и религией, есть не познание, а нравственность... Если религия отдаст науке свободу познания, то она тем самым позволит науке алчно жить одним лишь познанием, не соизмеряя его с христианской моралью.

– Что же вы предлагаете? – спросил о. Мартин. – Повернуть время вспять?.. Вернуться к средневековью?.. Кострам? Возродить инквизицию, передать доктора Деккера этой инквизиции?.. Сжечь его?

– Нет, конечно, – грустно вздохнув, сказал о. Григориус. – Нельзя безнравственными средствами защищать христианскую мораль.

– А другого пути нет... Надо либо жечь, либо сотрудничать. Или вы знаете третий путь?

– Знаю. Церковь ожирела, – сказал о. Григориус. – Церковь должна отказаться от власти, церковь развращена ею... Пусть уж лучше властвует наука... Мы должны уйти!..

– Тише, – сказал настоятель, оглядываясь на служителей, занятых уборкой.

– Церковь должна стать не властелином, а нищим! – крикнул, уже не владея собой, о. Григориус. – С посохом в руках!

Настоятель торопливо вышел во двор. О. Григориус последовал за ним.

– У вас есть авторитет, – лихорадочно продолжал о. Григориус. – Вас уважают и духовные, и светские власти. Я написал новый трактат. Подпишите его вместе со мной! Мы должны разойтись по земле. Раствориться! Жить среди простого народа, вместе с ним страдать и голодать, как страдал и голодал нищий Иисус. Только так мы сможем противостоять алчному натиску науки и материализма.

– Вы сумасшедший, – резко сказал о. Мартин. – У вас навязчивая идея. И опасна она не столько для Бога, сколько для людей... Хотя и для веры она также достаточно опасна... Хотите вы этого или не хотите, ваша идея прокладывает дорогу атеизму...

– Вы меня никогда не поймете, – сказал о. Григориус. – Да я, собственно, совсем о другом начал... Я говорил о Филиппе. Он зачерствеет, будет страдать и нести страдания другим... Если уж нельзя запретить эту безумную идею раз и навсегда, то пусть хотя бы это будет не Филипп...

Я вложил в него слишком много души.

– Вы скорбите о своей душе?

– Не о своей, а Филиппа.

– Раз я обещал им Филиппа, – резко и враждебно сказал о. Мартин, – значит будет Филипп. Чем он лучше других?!

Бледный, осунувшийся, с забинтованной головой, Филипп вышел из комнаты Деккера. Голова его была наголо обрита, лицо в желтых пятнах какого-то лекарства.

– Ну вот, – говорил Клаф. – Как ты себя чувствуешь?

– Голова кружится.

– Старайся не делать резких движений, – сказал Клаф.

– Иаков! – позвал Деккер.

Торопливо вошел Иаков, преданно глядя на профессора.

– Проводишь Филиппа в его келью, – сказал Деккер.

– На обратном пути ужин принесу, – сказал Иаков

– Только чай, – сказал Деккер

– Рыба сегодня хорошая, – сказал Иаков. – Я узнавал.

– Только чай, – раздраженно повторил Деккер.

– Мне принеси рыбу, – улыбнувшись сказал Клаф.

– Не хотите рыбу, доктор, я пирожков достану к чаю, хорошие пирожки, с мясом.

Из окна было видно, как Иаков осторожно ведет Филиппа по каменным плитам двора.

День был солнечный, но внутри башни было сумрачно. Филипп шел впереди между Деккером и Клафом. Чуть позади шли настоятель и о. Григориус. Замыкал шествие Иаков. Винтовая лестница становилась все круче. Потянулись металлические решетки, стало прохладнее, и, наконец, все увидели впереди яркий свет. Ветер, совершенно отсутствующий внизу, здесь, на площадке, венчающей башню, дул сильно и был холоден. Было тихо. Только посвистывал ветер в трещинах стен.

– Пойдем, – сказал Клаф.

Он взял Филиппа за руку и подвел к краю башни. Ветер усилился. Он рвал полы рясы, трепал волосы.

– Прыгай, – безмятежно сказал Клаф.

У Филиппа вдруг ослабли колени.

– Прыгай! – снова повторил Клаф. – вспомни, чего ты можешь достигнуть, поднявшись в небо.

– Филипп! – крикнул вдруг о. Григориус. – Ответь ему! Вспомни – не искушай Господа Бога своего!

– Уберите, наконец, этого талмудиста! – крикнул Клаф.

Подождал настоятель, взял за руку о. Григориуса и увел его в противоположный конец площадки.

– Вы тоже уходите, – сказал Деккер Клафу. – Отойдите в сторону...

– Мне страшно, – сказал Филипп. – Я не гоюсь для этого.

– Ты усомнился, – сказал Деккер. – Преодолей себя.

– Я постараюсь, – сказал Филипп, – постараюсь... Я слишком долго ждал... Только пусть никто не смотрит. И вы тоже.

Филипп говорил как в лихорадке.

– Хорошо, – сказал Деккер – Только ты верь. Верь – и полетишь.

Он поцеловал Филиппа в лоб и отошел.

Посвистывал ветер. О. Григориус, опустившись на колени, молился.

Филипп остался один. Он заставил себя подойти к самому краю башни и посмотреть вниз.

Прекрасная земля расстилалась перед ним. Сухие краски выжженных солнцем песков сменялись буйным серебром оливковых рощ и синевой цветущих долин. Горизонт был закрыт красноватыми горами, но справа, где горная гряда шла на убыль, светился голубизной. Там было море. Болезненное сладкое чувство, пугающее и манящее, овладело Филиппом, голова его пошла кругом, ноги ослабели, он пошатнулся и, потеряв равновесие, упал вниз. И разом все исчезло. Остался лишь безликий животный ужас падения... Это было так страшно, что Филипп не выдержал и закричал. Крик его услышали наверху, и все, толкая друг друга, бросились к краю башни.

Филипп с искаженным от страха лицом камнем падал вниз, он падал, как ему казалось, очень долго, закрыв глаза и какое мгновение ожидая удара о камни. Но удара все не было. Тогда, превозмогая смертельный страх, он открыл глаза и увидел чистое голубое небо. А внизу – далекую спокойную землю. Ветер дул по-преж-

нему, но это был уже иной ветер. Это был светлый ветер, от которого легко дышалось. Наверху, на башне, все также ощутили его. Только о. Григориус, закрыв глаза, по-прежнему стоял на коленях.

Филипп летел.

Он понял это, и оставшиеся на башне тоже это поняли. Он легко и плавно скользил вниз, к земле, которая мягко приближалась, будто всплывала навстречу. И незнакомая, новая радость овладела Филиппом. Слезы полились из его глаз. По-новому ощутив свое тело, он перевернулся в воздухе и увидел удаляющуюся башню и крошечные, подобные муравьям, фигурки у края ее стены.

Наконец, он коснулся земли на вершине зеленоющего холма, пролетел над ним еще немного и осторожно опустил лицом в траву.

В роще неподалеку пели птицы. Долго он лежал так, непонимающий и потрясенный.

Первым верхом прискакал Иаков, но не решился подойти, а только соскочил с лошади и остановился поодаль... Потом Филипп увидел остальных. Они бежали к нему. Среди них он узнал Деккера. Профессор был всклочен, и рот его был открыт, словно испуганный крик застрял у него в горле. Он добежал первым и задыхаясь упал на траву рядом с Филиппом.

Филипп подполз к нему и положил голову профессору на грудь.

О. Григориус сидел в своей келье и крошил хлеб в чашку с молоком. Вошел Филипп.

– Вы меня звали? – спросил он.

– Да. Хочешь молока?

– Спасибо, я сыт.

О. Григориус проглотил две-три ложки и отодвинул чашку в сторону.

– Я ухожу из монастыря...

Филипп молчал.

– Пойдем со мной... Я к людям иду, – сказал о. Григориус. – Живое слово им понесу, которое церковь извратила.

– Не поймут вас, – сказал Филипп. – Смеяться станут.

О. Григориус посмотрел на Филиппа.

– Ты так говорить стал, точно все уже понял... И суть жизни, и пути ее...

– Совсе понимать жизнь не надо да и объяснять тоже, – сказал Филипп.

– Да? А что же надо?..

– Жить надо... И постараться задавать меньше вопросов.

– Как животное? – сдерживая гнев, сказал о. Григориус.

– Жизнь разумна сама по себе, – сказал Филипп, – неразумно то, что сверх нее придумывается... Вы своего бога выдумали, а я своего ищу...

– У тебя уже и бог другой?

– Да, – сказал Филипп.

– Какой же это?

– Тот, которого я вижу.

– А в себе ты его не чувствуешь?

– Если я не найду его в себе, тогда его нет вовсе, – сказал Филипп...

– А сейчас-то что есть? – сказал о. Григориус. – Абсолютная свобода?.. Абсолютное бытие?.. Слепой случай, который играет человеком, как пылинкой?..

– Нет, – сказал Филипп, – власть человека над жизнью зависит от его воли и способности проявить себя...

– Не свои слова ты говоришь, – сказал о. Григориус.

– Может быть, – сказал Филипп, – но они мне нравятся...

– Жаль мне тебя, – сказал о. Григориус, – хоть и страшен ты, как бесноватый... У тебя отняли человеческий облик, сделали уродом. Как бы о двух головах... А ты радуешься и гордишься даже...

– Вы не знаете, что это такое... Видеть землю сверху, с высоты... Вам никогда не понять этого.

– Грех всегда сладок, – сказал о. Григориус.

– А почему то, что сладко для человека, вы называете грехом?..

– Ты начал жить плотью. Вот почему ты занялся поиском Бога... Бога не надо искать. В него надо либо верить, либо не верить. Ты не веришь. Уже давно не веришь, еще с тех пор, когда начал вычитывать из книг чужие откровения и приписывать их себе. Ты прав. Твое место здесь, ибо монастырь этот из прибежища слабых стал местом духовного разврата, – сказал о. Григориус.

– Почему же? Я тоже уйду, – сказал Филипп. – Только вы пойдете по земле, я поднимусь в небо. Вы не поверили, что Иисус приходил ко мне, не поверили искренности моей исповеди и первый зародили во мне сомнение... Вы не поверили, что небо опустилось ко мне. Но вынуждены были поверить, что я поднялся в небо...

– Прощай, – сказал о. Григориус.

– Прощайте.

Филипп вышел и пошел через двор к себе в келью. Неподалеку от пристройки, где он жил, сидел на скамеечке Иаков.

– Я давно тебя жду, – сказал он. – Доктор хочет тебя видеть. Он болен.

– Попозже, – сказал Филипп поморщившись. – Я сам приду.

– Они просили, как увижу, сразу привести.

Профессор Деккер полулежал, обложенный подушками, однако, несмотря на

болезненное выражение лица, был весел и возбужден. Клаф, наоборот, выглядел мрачным.

– Вот и он, – сказал профессор, увидев Филиппа, и порывисто схватил его за руку. – Садись... Я соскучился по тебе... Десять лет нашего труда сидят перед нами в его облике, – повернулся к Клафу.

– Я хочу прочесть тебе одно письмо... – снова обратился Деккер к юноше. – Тебе будет интересно...

– Вряд ли он что-нибудь поймет в этом письме, – сказал Клаф.

– Я постараюсь, – сказал Филипп.

– Вы никак не хотите понять, что перед вами сидит совсем другая личность, – сказал Деккер.

– Вы устали, – сказал Клаф. – Вам надо отдохнуть.

– Нет-нет, читайте, – сказал Деккер. – Я чувствую себя хорошо...

– "Дорогой Герберт, – прочел Клаф. – Я чрезвычайно рад после девяти лет молчания получить от тебя письмо и узнать, наконец, куда ты исчез..."

– Мы были друзьями, – перебил Деккер. – Он тоже одно время увлекался химией, как и я. Это потом я переключился на биофизику, а он вообще – на социологию... Впрочем, читайте, Клаф...

– "Я всегда очень жалел, что ты, обладая столь очевидным талантом, увлекся тем, чего от тебя совершенно не ждали, и дал возможность всякого рода посредственностям от науки травить тебя, что в свою очередь тебя озлобило и окончательно сбilo с пути. Поэтому, получив от тебя письмо, я надеялся, что ты, наконец, понял свою ошибку..."

– Тут пропустите, – перебил Деккер. – Далее идет всякая белиберда... Я, собственно, написал ему в момент нервного ощущения удачи, когда весь мир казался мне прекрасным... А до того мы с ним сильно повздорили и вообще разошлись навсегда... Он иностранец, эмигрант. Он русский. Ему не понять наших проблем.

– Так, может, не стоит и читать дальше, – сказал Клаф.

– Нет, – сказал Деккер. – Место о богоискательстве прочтите, там, где он меня отчитывает. Мне это даже приятно послушать сейчас, когда я держу за руку свою, обретшую живую плоть, идею. Может ли

он или кто-либо иной похвастаться этим? Ты, Филипп, тоже слушай, тебе это тоже должно быть интересно.

– "Я не хотел бы строго судить тебя за твои философские выкладки, которыми ты затуманиваешь свои научные идеи, – прочел Клаф. – Люди, трудами которых создавались элементы механического мирозерцания, естествоиспытатели, бывают весьма часто совершенно беззаботны и даже безответственны в философии... Но примечательно то, что твое богоискательство, как и иные религиозные искания вообще, а нашего времени в особенности, вращаются вокруг личного бессмертия. Еще Гегель заметил, что в античном мире вопрос о загробной жизни приобрел чрезвычайное значение тогда, когда с упадком древнего города-государства разрушились все общественные связи и человек оказался нравственно изолированным. Нечто подобное мы видим и теперь. Дошедший до крайности буржуазный индивидуализм приводит к тому, что человек упирается в вопрос о своем личном бессмертии, как в главный вопрос бытия... Твое же богоискательство говорит не только о нравственном тупике в нынешних общественных отношениях, но и о глубоком внутреннем конфликте религии... конфликте, из которого нет выхода..."

– Хватит, хватит, – замахал руками Деккер. – Это уже полезла социология. Ты понимаешь, о чем тут, Филипп?

– Не совсем...

– Ну хорошо, я объясню, – улыбнулся Деккер. – Есть ли для тебя что-то более ценное, чем твоя собственная жизнь?

– Нет, – сказал Филипп. – Ничего более ценного нет.

– Ну вот видите, Клаф, он все понял.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал Филипп.

– Посиди немного, – попросил профессор, не отпуская его руки.

– Я навещу вас завтра, – сказал Филипп, чуть ли не силой освободил свою руку и вышел.

– Я люблю его, как убежденный эгоист может любить только самого себя.

– Напрасно, – сказал Клаф. – Надо понимать и принимать жертвенную роль подопытного субъекта в науке...

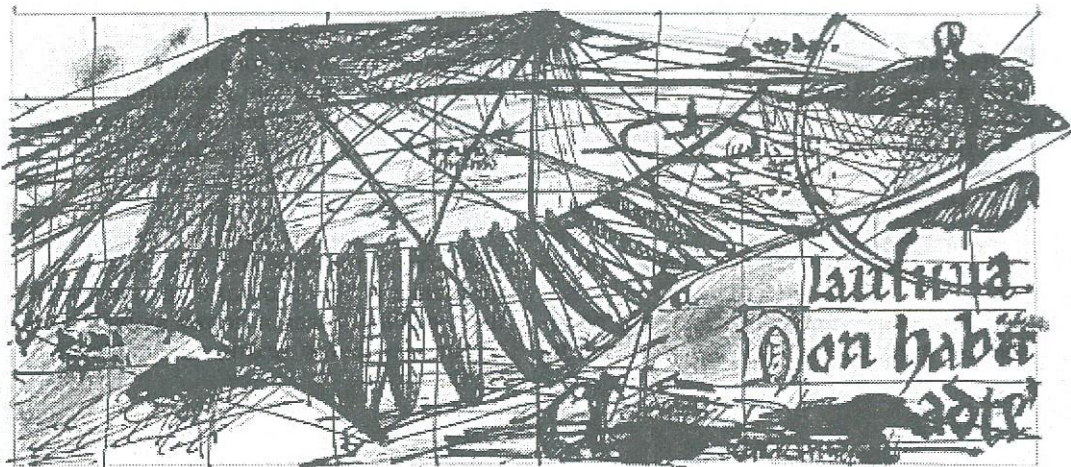
– Боже, какой вы циник, – сказал Деккер недовольно, – а если подопытным объектом науки станет человечество?..

– Тогда наступит то, о чем мы с вами недавно говорили... Конец века... Но я все-таки оптимист и надеюсь, что для этого у науки не хватит ни ума, ни таланта...

В своей келье о. Григориус собирался в путь. Он облачился в поношенную рясу, положил в котомку пару белья, несколько лепешек, Библию, взял в руки посох и вышел... Вскоре он шел уже во тьме, ошупывая землю посохом, и монастырь, освещенный выкатившейся из-за тучи луной, остался позади, за спиной бывшего о. Григориуса, ныне нищенствующего монаха.

А Филипп летел высоко в небе. Земля напоминала о себе лишь изредка мелькавшим далеко внизу огоньком.

Филипп был весь без остатка погружен в бесконечную тишину, парящую над спящей землей. Он летел бесшумно, как ночная птица, и единственное чувство, которое владело им сейчас, было ощущение восторга и счастья, которое утвердило право владения собственной исключительностью.

Часть вторая

Утро уже было в разгаре и солнце поднялось высоко, но еще клубился туман над полувысохшей речушкой, и земля в тени была прохладной. По небольшому дворику разгуливали индюшки, на веревках сушилось белье. За столом, накрытым под деревом для завтрака, сидели женщина лет сорока и молодая, очень красивая девушка.

– Самуэль! – крикнула женщина, поморщившись. – Долго ты? Все уже остыло.

Из дома торопливо вышел глава семьи – кругленький человечек в сюртуке.

– Я просматривал газеты, – сказал он, – прости, пожалуйста... – и он наклонился с намерением поцеловать жену.

– Прошу тебя, – сказала она отодвигаясь, – не кури ты эти страшные сигары.

– Да-да – у меня самого от них першит в глотке, – сказал он, усаживаясь и придвигая к себе тарелку с овсянкой.

– Ешь, – сказала жена. – Ешь, уже все остыло.

На некоторое время за столом воцарилась тишина. Жена и дочь принялись за сладкий пирог. Хозяин задумчиво пил кофе, закусывая его бутербродом, и глядел на дорогу, тянувшуюся вдоль реки. Вдали, на холме виднелся окруженный зеленью монастырь.

На дороге показалась какая-то фигура в монашеской одежде. Самуэль держал в руках недопитую чашку кофе, с интересом следил за тем, как она приближалась.

Это был Филипп.

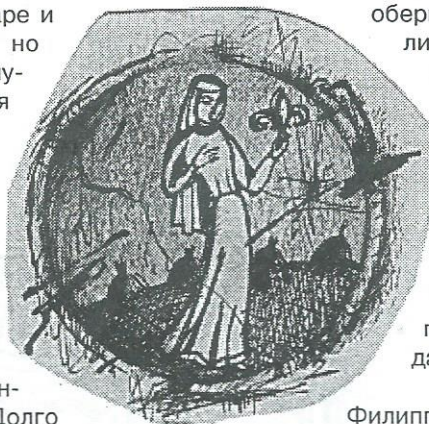
– Это, наверное, по поводу монастырской почты, – сказала хозяйка мужу. – Вы из монастыря? – окликнула она монаха.

Филипп неопределенно покачал головой.

– Входите, пожалуйста, – предложила хозяйка. – Позавтракайте с нами.

Филипп молча подошел и с поклоном присел к столу.

– Петр, – окликнула она слугу. – Принеси прибор для гостя... Мне кажется, –

обернулась она опять к Филиппу, – что странствующие монахи иначе, чем другие, любят Бога, – хозяйка передала ему чашку кофе. – Они относятся к нему, как влюбленные, и это в наше время, когда все чувства обесценены. Сейчас не умеют по-настоящему любить даже женщину...

Пока она говорила, Филипп несколько раз встретился глазами с ее дочерью. Она была так красива, что он, поняв это, старался не глядеть на нее.

– Вы верите в Страшный Суд? – спросила хозяйка.

– Конечно, – почти машинально ответил Филипп, глядя в тарелку.

– Значит, вы верите в неизбежность греха? Ибо без греха Страшный Суд невозможен.

– Да-да, конечно, – сказал Филипп.

– Вы знаете, – продолжала хозяйка, – здесь совершенно не с кем поговорить о том, что выходит за рамки кухни и сплетен. Я не надоела вам?

– Нет-нет, – сказал Филипп.

– Простите мою наивность, – сказала она. – Если в мире неизбежен грех, а в конце мира – Страшный Суд, то что же тогда Бог?

Филипп посмотрел на хозяйку.

– Загадка, – ответил он. – Бог – это загадка...

– Верно! – вскричал вдруг глава дома, молчавший до этого и лишь слушавший с напряженным лицом.

Его супруга была шокирована ответом Филиппа и выглядела растерянной. Хозяин же ожил.

– И даже не мировая загадка, – сказал он, – не всеобщая, а та, которую каждый человек задает сам себе, когда ему становится неважно либо когда ему просто делать нечего... Я читал об этом в "Натурвисеншафт"... Интересная статья... Очень метко замечено. – Он засмеялся. – Каж-

дый решает эту загадку для себя по-своему... Повезет – значит решит, не повезет – не решит...

– Что с тобой? – раздраженно и удивленно спросила его жена. – Что ты такое говоришь?

– Пожалуй, я... – сказал ее супруг, вставая из-за стола. – Петр, – позвал он слугу, – пойди скажи, что почта сегодня будет закрыта. Скажи, что я занят, у меня гость...

Филипп тоже встал из-за стола, хозяин взял его под руку, они пересекли двор и скрылись за сараем.

– Что это с отцом делается? – удивилась хозяйка. – Этот монах меня чем-то пугает.

Она отрезала еще кусок пирога.

– Ты обратила внимание, он встал из-за стола и не поблагодарил... И на тебя он смотрел не хорошо.

– Ах, оставь, ей-богу, – сказала дочь. – Он вообще не обратил на меня никакого внимания.

– Пойди посмотри, что они там делают за сараем, – резко сказала мать. – Они что, давно знакомы?

Дочь встала и пошла к сараю. За сараем отец и монах о чем-то возбужденно шептались. Хозяин даже как-то по-детски, по-петушину подпрыгнул и потер руки. Но тут же оглянулся и заметил дочь.

– Уйди, – сказал он. – Слышишь? Я кому говорю?

Девушка пожалала плечами, рассмеялась и ушла.

– Я... – начал Филипп.

– Тише! – шепотом крикнул Самуэль. – Тут все обдумать надо... Тут хитрость нужна, подготовка, тут дипломатия нужна, чтоб великое дело не погубить...

– **Я** показать вам хочу, – сказал Филипп.

– Не надо, – сказал Самуэль. – Я верю. И к тому же еще рано... Опасно преждевременно раскрывать. Лишь тогда действие осмысленно, когда оно своевременно.

– Я осторожно, – сказал Филипп и отошел от земли.

Он медленно поднялся в воздух к крыше сарая и так же медленно и плавно опустился на землю.

– Великое свершится, – сказал Самуэль со слезами на глазах. – Свершится, но здесь требуется точный расчет. Свершится впервые в мире...

О. Григориус, шаркая ногами по пыли, брел по раскаленной дороге. Ряса его была обтрепана, он выглядел больным и усталым.

На солнцепеке, среди сухих колосьев пшеницы работали темные лица крестьяне. О. Григориус подошел к ним и поздоровался.

– Послушайте, что я скажу вам... – сказал он. – В тяжелом труде своем вы сами часто не понимаете, кто вы, зачем живете и каково значение вашей жизни... Не в буре, привлекающей к себе внимание, а в

скромном, тихом дуновении ветерка святой Илья увидел Бога... Вы, как тот ветерок... Ведь ученики Иисуса были такие же, как и вы, – не богатые, не ученые, не известные никому до поры люди.

– Нашел время, – сказал старик, вытирая пот.

– Чем языком работать, – отозвался молодой парень, с неприязнью глядя на о.Григориуса, – помог бы нам лучше... А то ходишь себе, где попьешь, где перекусишь...

– Мы целый день неба не видим, – отозвался третий весело. – Все земле кланяемся... а в церковь ходим, – добавил он добродушно.

– Вот в церкви-то и обман! – сказал о.Григориус. – Там Бога нет...

– Шел бы ты своей дорогой, – сказал старик.

– Нет, зачем же, – отозвался молодой парень. – Пусть с нами поклоняется... Может, здесь найдет.

Вокруг устало засмеялись. О. Григориус снял с себя котомку, положил посох, стянул рясу и остался в одной рубашке.

Крестьяне смотрели на него с недоверием.

– Давай-давай, – сказал молодой парень и сунул ему в руки серп. О. Григориус наклонился и пошел вместе со всеми, подсекая колосья.

Пот заливал ему глаза, стекал по бороде, за шею. Рубаха его потемнела, он хрипло, тяжело дышал.

Солнце перевалило через зенит, когда крестьяне прекратили работу, чтоб перекусить. В тени на траве они расстелили кошму.

– Садись, поешь с нами, – сказал старик.

О. Григориус как в тумане вытер краем рубахи лицо и шатаясь подошел к старику. Крестьяне ели хлеб, оливки и лук. О. Григориус взял кусок хлеба и сказал:

– Вот где начало истинного братства... В хлебе совместном... Ни церкви, ни университеты, ни книги... Только трудом и любовью... Каждый должен понять свое значение...

– Ты ешь, – сказал молодой парень. – Устал, наверное...

– Единение людей, – вяло говорил о. Григориус, – не миф это, а правда... правда... – Голова его склонилась на грудь. Хлеб выпал из рук.

– Где котомка-то его? Пойди принеси, – сказал старик молодому парню.

Они положили свалившемуся в тяжелом сне о. Григориусу под голову его мешок, а сами вновь пошли в поле работать.

Прозрачные тени лежали на траве, в ветвях деревьев пели птицы. Филипп сидел, сосредоточенно обхватив руками колени. Самуэль же, наоборот, возбужденно ходил по поляне.

– Ты должен понять наконец, – говорил он, – что, обладая таким даром, можно перевернуть весь мир... Первый человек, поднявшийся в небо... Знаешь, как только ты подошел к изгороди и посмотрел на меня, я сразу понял – это судьба...

– Прежде всего надо понять, чего мы

хотим, – сказал Филипп. – Я вот думаю, думаю...

– Ты не можешь понять собственной силы... – Самуэль засмеялся. – Собственного призвания... Ведь стоит тебе подняться в небо...

– Так, – сказал Филипп, – я поднимаюсь в небо...

– Люди... увидят тебя...

– Видят... Так... Ну, а дальше?..

– Удивительный ты человек... – горячо говорил Самуэль, – не понимать своей миссии; когда...

– Ну хорошо, давай по порядку, – перебил Филипп, – я поднимаюсь в небо... Меня видят...

Дальше?

– Дальше – восторг... Всеобщий восторг...

– Или страх... Испуг...

– Пусть! – твердо сказал Самуэль. – Пусть на первом этапе страх... Страх ведь тоже достаточно сильное чувство... Важно правильно им воспользоваться... Если использовать его в нечестных целях...

– Нет, подожди, – сказал Филипп. – А чего мы хотим? Я ведь тоже вначале думал, что все просто... Стоит лишь подняться в небо... Но когда я подумал о цели... Еще до того, как я встретил тебя...

– Но ты же сбиваешь меня! – раздраженно сказал Самуэль. – Ты не даешь мне закончить мысль... цель ясна и понятна...

– Какая?! Объясни!..

Самуэль в запальчивости вытащил из кармана сигару, закурил. Прошелся по поляне.

– Конечно, – сказал Самуэль, – если бы мы хотели грабить банки или вообще идти подобным путем, используя твой удивительный дар, то все было бы просто... Все понятно... Но как честные люди, обладающие этим великим...

– Подожди, ты запутался, – сказал Филипп, – ты только что говорил, что цель ясна и понятна...

– Цель жизни ясна и понятна каждому порядочному образованному человеку, –

раздраженно и назидательно сказал Самуэль, – это всеобщее добро... Важны пути к этому добру...

– Ну хорошо, – сказал Филипп, – начнем сначала... Я поднимаюсь в воздух...

– Как ты узко мыслишь, – с упреком сказал Самуэль. – Мир потрясен!.. Испуган непонятным явлением!.. Впрочем, вспоминаю... Я уже видел подобное... В детстве... У нас в доме был альбом гравюр с картин Возрождения... Там была одна чудесная картина... Летящий святой... восторг народа... Меня самого охватил восторг, когда я смотрел. Потом я случайно залил ее чернилами...

Самуэль остановился возле куста и, обернувшись, коснулся платком глаз.

– Моя маменька любила меня, но моего отчима она любила еще сильнее... Он был моложе ее, красив, белокур... Он отравил мне детство... Маменька так любила его, что наказывала меня часто только затем, чтобы угодить ему... Она больно секла меня до крови и плакала при этом... Впрочем, мы отвлеклись... Значит, на чем мы...

– Я поднимаюсь в воздух, – мрачно сказал Филипп...

– Да... ты поднимаешься... Хотя постой... Не надо мыслить шаблонами. И в политике, и в дипломатии успех всегда приносят неожиданные решения... Допустим, все наоборот... Ты не поднимаешься в воздух...

– То есть как?

– А так... Просто ты ходишь по земле...

– Ну... А дальше?

– Дальше – распространяются слухи, что ты умеешь летать...

– Какие слухи? Кто их распространяет?

– Я...

– Погоди. Тебя просто побьют или будут над тобой смеяться... Но если даже не побьют... Что из этого?.. Чего мы достигнем?

– Люди станут приходить к тебе, – сказал Самуэль...

– Зачем?

– Чтоб узнать твои мысли...

– Какие мысли?..

– О всеобщем добре, о...

– Не говори глупостей, – сказал Филипп...

– Да, тут ты прав, – согласился Саму-

эль. – То, что ты просто ходишь по земле, неверно... Надо летать... Как же иначе?.. Обладать такой сверхъестественной возможностью...

– Но ведь мы думали...

– Подожди, не перебивай меня, – огрызнулся Самуэль.

Оба замолчали. Стемнело. Филипп лег у костра, спасаясь от москитов. Самуэль же курил сигару, ходил и думал. Филипп не спал, но лежал неподвижно, притворяясь спящим. Самуэль же осторожно приблизился к нему, наклонился. Потом так же бесшумно отошел и скрылся в кустах.

Звезды поблекли, позеленел воздух.

Где-то далеко прокричали петухи. Самуэль, нагруженный какими-то узлами, вошел в рощу, когда уже проснулись птицы. Трава была в густой росе. Филипп лежал у потухшего костра, забывшись в крепком предутреннем сне. Самуэль положил узлы на землю и тронул Филиппа за плечо.

– Я придумал, – радостным шепотом сообщил Самуэль, хотя вокруг никого не было и никто их не слышал.

– Что? – тоже зашептал Филипп спронея.

– Я придумал, – повторил Самуэль, – надо явиться людям... Как изображено в литографии. Задрапироваться и явиться...

– Что это? Занавески... какие-то...

– Неважно, – сказал Самуэль, – на людей надо произвести впечатление, чтобы объединить их во имя добра... Ты явишься им... Поднимешься в воздух, я приду, рассею их страх и объясню все, что надо... Они поверят мне перед лицом чуда, которое возможно только во сне или в видениях святых... Они поверят, ты вспашешь, а я буду сеять... Так мы и пойдем по миру, творя великое...

– Где ты взял это? – спросил Филипп.

– Ты все еще сомневаешься в моем плане?..

– Нет, может быть, ты и прав... Во всяком случае, другого нет... Где ты взял эти занавески?.. Ты не...

– Как ты мог подумать?.. Я был дома... Возьми, поешь... Я тут кое-что принес...

Григориус снова шел по дороге. Это была мощенная камнем дорога, и вела она к низкому каменному забору, где перед

воротами красовалась полосатая будка и стояли двое часовых... Из ворот выехали несколько вооруженных всадников. За забором был расположен колониальный военный пост.

О. Григориус подошел к воротам и остановился.

– Тебе чего? – спросил часовой. – Проходи.

О. Григориус продолжал стоять и смотреть.

– Он голоден, – сказал другой часовой. – Пусть идет к офицерской столовой. Там его накормят.

– Влетит нам, – сказал первый часовой.

– Проходи! – отозвался второй. – Вон к тому дому иди... Только по двору не шляйся...

Неподалеку от входа, у коновязей солдаты чистили лошадей. Увидев нищего странствующего монаха, они уставились на него с веселым любопытством.

О. Григориус сильно похудел за время странствий, глаза его воспалились, и одежда, порванная во многих местах, делала его похожим на обыкновенного нищего.

Он подошел к дому, откуда пахло едой, и остановился. Спиной к нему, у окна сидел рыжеволосый офицер и курил сигару. Обернувшись, чтоб стряхнуть пепел, он увидел о. Григориуса и некоторое время с любопытством разглядывал его.

– Ты что, сбежал из монастыря? – спросил он.

– Нет, – сказал о. Григориус, – я сам ушел.

– А зачем же ты ушел? – спросил другой офицер, усатый и длинный. – Тебе там плохо было?

– Плохо, – сказал о. Григориус.

– Чем же плохо? – любопытствовал усатый. – Кормят там хорошо. Поят...

– Не хлебом единым жив человек, – сказал о. Григориус.

– Верно, – сказал усатый, – кроме хлеба нужны еще девки... С этим там туго...

Солдаты, собравшиеся вокруг о. Григориуса, заржали.

– Оставьте, – вдруг раздраженно сказал рыжеволосый усатому. Он пошел к столу, взял два куска хлеба, положил между ними ломоть мяса и, перегнувшись из окна, подал еду о. Григориусу. Тот поклонился.

– Чем же все-таки тебе в монастыре плохо было?.. Объясни...

– Неправда там, – сказал о. Григориус, – Бога там продали... В церкви Бога давно уж нет...

– Иди, старик, – сказал рыжеволосый, – да придержи язык... а то как бы под замок не посадили...

– А я не боюсь, – сказал о. Григориус, – чего мне бояться, если правда со мной?

– Какая правда с тобой? – спросил усатый.

– А такая, что вокруг нищета да труд до изнеможения... Народ угнетен деспотизмом, насилием, суевериями... А вы с

ружьями и саблями находитеесь здесь, чтобы защищать этот антихристианский порядок вещей... Да вы и сами знаете, что сюда принесли и что отсюда берете...

– Так вот ты кто! – сказал усатый. – Ты обыкновенный бун-

товщик.

– Нет, – сказал о. Григориус, – бунт – то же насилие и кровь... Средство против насилия просто, настолько просто, что должно первым делом прийти в людские головы... Именно не участвовать в насилии, которое мы отрицаем... Если бы люди поняли, что добро, а не зло принесет им настоящую выгоду, если б угнетатели принесли им беду, а угнетенные поняли, что злоба и ненависть принесут им так же беду... Если бы все поняли... Вот в чем трудность... Важно, чтоб поняли все...

– Понятно, – сказал усатый, – он сумасшедший... Я встречал подобных... Это из тех неопасных сумасшедших, которые проповедуют рай на земле... – он рассмеялся.

– Сумасшедший, сумасшедший, – раздраженно сказал рыжеволосый, – а хлеба пришел просить к нам, насильникам...

О. Григориус пристально посмотрел на рыжеволосого, встал на цыпочки, положил еду на подоконник и, повернувшись, пошел со двора. Солдаты расступились перед ним.

– Послушай, – крикнул рыжеволосый, – эй, монах... старик!.. Я же пошутил... Эй!.. – позвал он одного солдата, – возьми еду и догони его...

Солдат взял хлеб с мясом и догнал отца Григориуса за воротами.

– Возьми, старик, – сказал он, – чего обижаться...

– Не надо, – сказал о. Григориус...

– Куда ты без еды, – сказал солдат, – возьми...

– Ничего, – сказал о. Григориус, – мне бедные подадут... – и пошел не оборачиваясь.

Вскоре он вышел на обрывистый берег большого озера... Здесь было тихо, пустынно. Он лег ничком у берега и долго пил воду. Когда он поднимал голову, с лица его текла вода, а из глаз слезы.

Филипп и Самуэль долго шли по степи, пока вдалеке не увидели стадо и пастушеские шатры.

– Здесь начнем, – сказал Самуэль, – пастухи самый подходящий народ... Они проводят все время в степи, а ночью под звездами, поэтому в них должно быть развито поэтическое чувство... Согласно Библии, пастухов особенно часто посещают видения...

– Из-за этих кустов? – спросил Филипп.

– Нет, – сказал Самуэль, – мы обойдем пастбище, и ты поднимешься из-за холма. Во-первых, с той стороны ты будешь ярче освещен солнцем, а во-вторых, я не могу тебе объяснить, почему, но мне не хочется, чтобы ты вылетал из кустов... В этом есть что-то мелкое... Птичье... Ты должен подняться из-за холма... Плавно и величественно...

За холмом Филипп снял с себя одежду,

и Самуэль принялся драпировать его в занавеску.

– Что у тебя за настроение? – спросил Самуэль.

– Не знаю, – сказал Филипп. – Я не уверен...

– Пойми, – сказал Самуэль, – мы у истоков новой идеологии... Когда-нибудь об этом напишут во всех учебниках истории...

– Перестань! – сказал Филипп.

– Ты не понимаешь, – вскричал Самуэль, – вот в чем беда! Впрочем, не буду тебя дергать... Филипп, прошу тебя... Прошу тебя, когда ты будешь подниматься к небу, думай о чем-нибудь великом, значительном... Не о мелких человеческих поступках, а о подвигах человечества... О Прометее, о Христе, о Грегори Петри...

– А кто это... Грегори Петри? – спросил Филипп.

– Это мой двоюродный брат, – сказал Самуэль, – он убил себя голодом... из идейных соображений... Он умер, не принимая пищи... Но когда-нибудь о нем и его трудах услышат и поймут его подвиг... Так же, как поняли подвиги прошлого... Так же, как поймут и наш... Человек, Филипп, совершая подвиг, случается, выглядит со стороны смешным... И лишь потом... Лишь потом... Дай я тебя обниму, и пусть нам сопутствует удача...

Они обнялись, Самуэль пошел назад, к кустам, а Филипп пополз к вершине холма.

На пастбище между тем пастухи, лежа в тени, смеялись, переговаривались друг с другом, в то время как овцы и козы бродили, пощипывая траву. На фоне этого почти ветхозаветного пейзажа и возник освещенный солнцем Филипп. Он поднялся еще не очень высоко, когда его заметил какой-то юноша-пастух. Некоторое время он в оцепенении смотрел на парящую в воздухе фигуру, а потом дико закричал, указывая пальцем на Филиппа, который в эту минуту пролетал над вершинами деревьев.

Пастухи вскочили в страхе и бросились к шатрам. Все, кто встречался им по пути, сначала пугались криков и только потом, заметив летящую в воздухе фигуру, или присоединялись к бегущим, или прятались в кусты и за камнями... Филипп и сам был

потрясен происходящим и все это видел как бы со стороны. Он летел в страшном смятении, полный противоречивых чувств.

Самуэль выбежал из-за кустов и принялся останавливать бегущих.

— Стойте! — кричал он. — Люди, опомнитесь!.. Чего вам бояться?! Не бойтесь того, что вы видите, а гордитесь и радуйтесь!.. Может быть, вы когда-нибудь поймете, что это был самый счастливый день в вашей жизни!..

Вокруг него начала образовываться небольшая толпа.

— Люди! — вдохновенно взывал Самуэль, — идите и говорите: "Он пришел!.." Он научит вас, он объединит вас!..

Толпа становилась все гуще. Самуэля слушали, возбужденно переговаривались, становились на цыпочки, чтобы видеть проповедника.

Филипп к тому времени миновал селение и летел над горной деревушкой. Там тоже началась паника. В местной церкви ударили в колокол. Лишь на пороге дома кузнеца сидел человек, не обращавший никакого внимания на переполох. Это был сын кузнеца, которого исповедовал Филипп и который остался жив после причастия. Когда летящая фигура появилась над ним, он проводил ее безразличным взглядом.

К вечеру Филипп и Самуэль встретились в оливковой роще. Филипп устало лежал на траве, прикрывшись оконными занавесками. Самуэль бросился к нему.

— Это наши люди! — возбужденно крикнул он. — Их сердца — наши... Они слушали меня, как не слушали никогда ни одного проповедника... Они поверили мне... Наконец-то!..

Он упал на землю рядом с Филиппом.

— Ты счастлив? — спросил он Филиппа и обнял его за плечи.

— Я устал, — сказал Филипп. — Не знаю почему... Я очень волновался...

— Еще бы, — сказал Самуэль. — Но начало блестящее...

Сверх ожидания... Переоденься, — он вынул из котомки одежду Филиппа. — Я сейчас приготовлю поесть...

По такому случаю... вот, — он вынул бутылку рома, — у меня было с собой немного денег... На черный день... Но теперь зачем их беречь... Лавочник так напуган, что даже не пытался меня обчитать. Все хорошо, дорогой брат мой!.. Итак — за подвиг!.. — он налил ром в металлические кружки. — За удачу в подвиге!..

В монастыре, в келье настоятеля сидели Деккер и Клаф.

— Я всегда относился к вам с доверием, — говорил о. Мартин. — Вы не станете отрицать. Я говорил о том, что лаборатория необходима не только именно нам, а вообще церкви... Но вы поступили безответственно. Надо было предвидеть последствия. Речь идет о богохульстве... Он выдает себя за Мессию... Среди народа бродят слухи о каком-то царстве добра, возникают какие-то ложные и нелепые надежды... Мы обязаны публично его разоблачить.

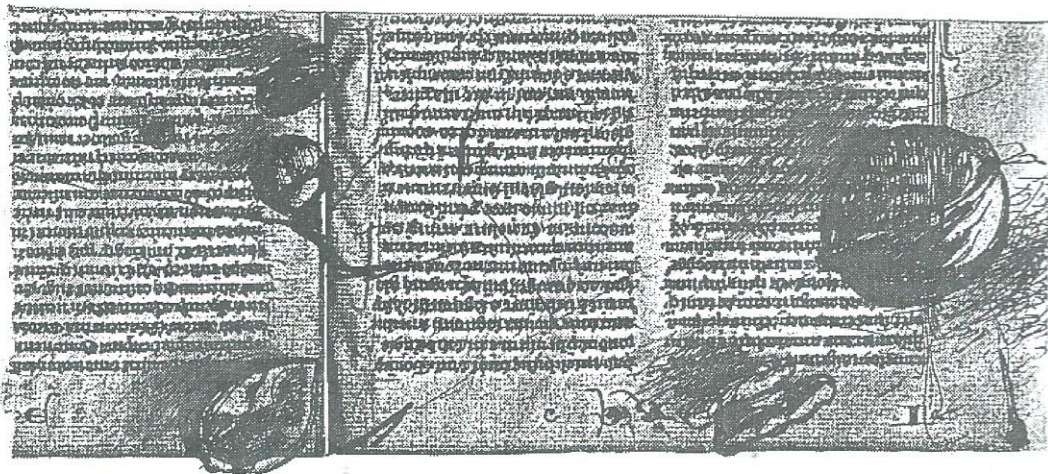
— Ни в коем случае, — сказал Клаф. — Я попрошу вас связаться с губернатором и потребовать, чтобы этих людей не смели трогать, если власти не хотят сделать из них святых и мучеников.

— Да, но они смущают умы, — сказал о. Мартин, — своими действиями они могут принести много бед, особенно простому народу, который и без этого подвержен всяческим суевериям.

— Вы богослов и должны знать, как люди верят своим идолам, — сказал Клаф, — если они хотят в них верить... Тут логика бессильна.

— Что же вы предлагаете?

— Есть только один способ, — сказал Клаф. — Надо обратиться не к религиозным чувствам, а к бытовым, обыденным

представлениям этих людей... Надо сделать этих кумиров смешными в глазах тех, кто в них верит... Надо довести эту идею летающего человека до абсурда... Что поделаешь, приходится идти на жертвы... Оскорбить, извратить свою идею ради того, чтобы не отдавать ее в руки врагов...

— Что вы там витийствуете, — морща лоб, спросил Деккер.

— Вы что, не поняли? — сказал Клаф. — Этот Филипп удрал. И использует свое новое качество в целях политических смут.

— Какая мерзость, — сказал Деккер. — Так воспользоваться достижением науки... Так извратить его смысл... А ведь я верил ему... Я любил его даже...

— Да не его вы любили, — буркнул Клаф.

— Объясните подробней ваш план, — сказал о. Мартин.

— Меня удивляет, что вы сами не догадываетесь, — сказал Клаф. — Это ведь так просто... Надо создать еще один летающий экземпляр и показать его публике.

— Нет, — сказал о. Мартин. — Из братии я больше не дам никого...

— Настоятель прав, — сказал Деккер. — Я ведь не хотел приступать к опыту. Я колебался... Это новое качество должно было снизойти к человеку если не идеально нравственному, то, по крайней мере, подготовленному... Вы станете этим человеком, Клаф.

— Я?! С какой стати... Между прочим... Я хотел сказать об этом позднее, но раз уж так получилось... Я получил приглашение занять кафедру в Берлинском универ-

ситете... Я принял это приглашение и на днях уезжаю.

— Я всегда считал вас ничтожеством, — задохнулся Деккер. — Убирайтесь к черту... Убирайтесь!.. Но сперва вы поможете мне произвести операцию на самом себе.

— Профессор, — сказал негромко Клаф, — я работал с вами десять лет, я по-прежнему уважаю вас и преклоняюсь перед вами...

— Оставьте ваши разговоры, — крикнул Деккер. — Операция назначена на завтрашнее утро... На семь часов утра... Сегодня я хочу принять снотворное и выспаться... Иаков!.. — позвал он.

Вошел Иаков, помог профессору встать, и опираясь на его плечо, Деккер вышел.

— Распятие Иисуса, — сказал Клаф, — было самой большой глупостью Его врагов... Надо было попытаться просто сделать его смешным... Впрочем, в те времена это было гораздо труднее, чем сейчас.

— Не богохульствуйте, — сказал о. Мартин.

Огромный пустырь, поросший травой и кустарником, был полон народу. Здесь были и местные жители, и пастухи из окрестностей. В стороне можно было заметить несколько европейцев. Толпа шумела, волновалась. Полицейские наводили порядок.

Со стороны монастыря показалась открытая коляска. В ней сидели о. Мартин, Деккер и Иаков. У профессора была обрита голова, отчего он выглядел как-то дико. Коляска остановилась посреди толпы.

Поднялся о. Мартин.

– Прихожане! – сказал он. – Скорбные события последних дней заставили меня искать встречи с вами... Беглый монах, самозванец и лжепророк, используя свою способность летать, которую он получил в результате обычного научного опыта, ибо существование Бога не исключает, а, наоборот, определяет науку...

– Они пришли, чтобы обмануть вас и затоптать то прекрасное, что вы только что приобрели! – крикнул из толпы Самуэль. – Берегите от них то восхищение, которое вы испытали при виде его!! Ибо вы приобрели к великому...

– Шарлатан! – вскрикнул Деккер вскакивая. Он был еще слаб после перенесенной операции и чуть не упал из коляски. Иаков подхватил его. – Шарлатан!.. Ты хочешь использовать достижения науки для своей грязной выгоды! В человеке, который может летать, так же мало необычного, как и в человеке, идущем или плывущем по воде.

– У вас хотят отнять надежду! – крикнул Самуэль, стараясь перекричать шум толпы. – Ваше стремление вырваться из нужды, из нужды духа... Вот что важно...

– Хватит пререканий, – шепнул о. Мартин Деккеру. – Начинайте...

Деккер нервно потирал руки.

– Я не могу так сразу... Впрочем, действительно, пора... Иаков, привяжи меня...

Вздыхнув, Иаков достал из-под сиденья веревку, привязал один конец ее к ноге профессора, а второй взял в руки.

– Итак, повторение научного опыта! – высоким голосом крикнул Деккер и прямо с коляски взмыл в воздух.

Иаков соскочил с коляски и побежал следом, держа конец веревки в руках, как бегают обычно дети, запуская змея. Люди расступались перед ним. Самуэль стоял обмерший и подавленный.

– Это научный опыт! – кричал Деккер. – Обыкновенный научный опыт!

Он дергался, кувыркался в воздухе, не-

вольно, но точно воплощая замысел Клафа – скомпрометировать идею летающего человека.

– Это отвратительно! – крикнул со страданием на лице Самуэль. – Что вы делаете?.. Как это отвратительно... Так опозлить величие подвига!..

Профессор, продолжая кричать что-то уже совершенно бессмысленное, вдруг на мгновение замер в воздухе, веревка в руках растерянного Иакова натянулась. Деккер судорожно взмахнул руками, полетел по дуге и, рухнув вниз, ударился головой о дерево. Иаков бросился к профессору. Деккер, лежа на земле, тяжело дышал и дрожал, как подбитая птица.

В келье профессора было полутемно и тихо. Деккер сидел в глубоком кресле. Бритоголовый, в синяках и ссадинах, забинтованный, заклеенный пластырями, он производил пугающее впечатление. Верный Иаков был тут же.

Вошел Клаф и сел рядом.

– Я пришел проститься с вами, – сказал он негромко.

Профессор молчал.

– Я хотел бы, чтобы вы знали, – продолжал Клаф, – что, не смотря на печальный исход нашей деятельности, я счастлив... Я счастлив, что провел с вами эти годы...

Профессор, ерзая в кресле, стал проявлять беспокойство.

– Галилей боялся не тюрьмы и пыток, – сказал он хрипло, – он боялся собственных открытий... Вот почему он отрекся... "На наш ликующий восторг мир может ответить воплем ужаса" – это его слова.

– Возникновение каждой проблемы должно быть соотнесено со временем, – сказал Клаф. – Ваше здоровье сильно расшатано, профессор. Вам надо лечиться.

Он посмотрел на часы.

– Мне пора... До свидания, профессор... Разрешите мне на прощание обнять вас...

– Идите... Не надо, – сказал Деккер. –

Я устал от вас, вы мне надоели... Все верно, и все подтверждается... Когда-то она мне сказала: "Ты будешь страдать, ты для этого рожден..." Комнатка у нас была маленькая, и окна выходили на улицу с длинным забором... А за забором бойня... Она взяла мою руку и сказала: "Тебя погубит истина. Ты всегда любил ее, но не понимал..."

— Он начал заговариваться, — тревожным шепотом сказал Клаф Иакову.

Иаков взял какую-то склянку, налил в ложку лекарство и дал профессору. Тот выпил.

Филипп и Самуэль сидели у костра. Был вечер. Самуэль снял с огня котелок и разлил по кружкам какое-то варево. Филипп попробовал и сморщился.

— Какая пакость, — сказал он.

— Пей, — сказал Самуэль. — Не все, что вкусно, полезно. В супе из лесных корней ев витаминов больше, чем в мясе и масле...

— Мясо! — сказал Филипп. — Хотя бы хлеба кусок, — и он выплеснул содержимое кружки на землю.

— Какие у тебя могут быть претензии? — вспыхнул Самуэль. — Всю провизию до сих пор добывал я... Теперь ты попробуй.

Филипп встал и направился в сторону поселка.

— Послушай! — окликнул его Самуэль уже мягче. — Не сердись... Меня уже знают, запомнили... Вчера меня чуть не догнали... Пойди к форту. Солдаты иногда подают вполне пристойные объедки.

— Нет, — сказал Филипп, — просить я не буду... Я украду лучше.

Селение спало, лишь кое-где мерцали огоньки. Он прошел мимо лавки. Остановился. Потом осторожно вернулся и заглянул в окно. Он увидел на прилавке и полках хлеб, сушеную рыбу, какие-то бочонки. Выдавив стекло, он проник внутрь и начал грузить в мешок еду, встав на высокий бочонок. Неожиданно бочонок выскользнул из-под его ног. Раздался грохот. Филипп не упал, а вместе с мешком на минуту повис в воздухе, потом в бессознательном испуге взмыл под потолок лавки. Он носился в темноте, натываясь на предметы и производя страшный шум.

Наконец, ему удалось сориентироваться, он опустился на пол, выпрыгнул в окно и побежал.

— Стой! — высунувшись из окна спальни, закричал раздетый лавочник и выпалил несколько раз из револьвера.

Филипп упал, но тут же вскочил и не побежал далее, а полетел.

— Что случилось? — спрашивали разбуженные люди.

— Тот летающий бездельник влез ко мне в лавку! — ответил лавочник. — Вначале он бежал от меня, как нормальный вор, но я выстрелил, и он полетел. Видно со страха. Тут я его и узнал...

Достигнув рощи, Филипп опустился на землю. Рукой он прижимал левое предплечье. На поляне его ждал встревоженный Самуэль.

— Что случилось? — крикнул он. — Я слышал выстрелы! Ты ранен?

— Лавочник стрелял в меня, — сказал Филипп тяжело дыша.

— Да брось этот мешок, — смутился Самуэль. — Слава богу, царапина... Сейчас мы тебя перевяжем... Чтоб ему подохнуть... Он ведь мог попасть тебе в голову... Эх, собственники, гиены... Раньше верблюд пролезет в угольное ушко... Да дьявол с ними...

Самуэль перевязал Филиппу руку.

— Больно? — спросил он.

— Печет немного... Зато хоть поедем как следует.

Самуэль подложил в костер хворосту. Они уселись и принялись за еду. Они ели долго и жадно. Когда первый приступ голода был утолен и Самуэль закурил огрызок сигары, Филипп сказал:

— Вот и кончилась наша тайная вечеря... Завтра я вернусь назад, в монастырь... Ничего не вышло, Самуэль.

— Да, — сказал Самуэль. — И все-таки я благодарен тебе... Ты перевернул мою жизнь... Домой я больше не вернусь... Я взбунтовался... Мой дух взбунтовался... Я другой жизни хочу... Постараюсь перебраться в Европу...

— Да, друг мой, они еще горько пожалуют... — с пафосом продолжал Самуэль. — Да поздно будет... — и он погрозил куда-то в пространство пальцем. — Поздно будет, уважаемые владельцы мира сего!.. А сейчас мне пора... Надо успеть

на поезд, а до станции часов десять ходьбы.

– Я провожу тебя, – сказал Филипп.

– Спасибо, – сказал Самуэль. – Спасибо, мой друг...

– Вот еда, – сказал Филипп. – Возьми с собой... Всю возьми, мне теперь не надо...

И они принялись ногами затаптывать костер.

– У меня такое чувство, словно у меня три ноги или две головы... – устало сказал Филипп.

Ранним утром на платформе узкоколейки Самуэль прощался с Филиппом. Это была единственная железная дорога, недавно построенная в этих местах и связывающая их с морем.

Пыхтел маленький паровозик. Усатый начальник станции ударил в колокол. Самуэль и Филипп обнялись. Когда поезд тронулся, Филипп принялся вглядываться в окна вагонов, чтобы еще раз увидеть друга, но тот неожиданно окликнул его откуда-то снизу. Самуэль ехал, забывшись в ящик для инструментов, расположенный под вагоном. Он улыбался Филиппу и махал ему рукой. Коротенький поезд простучал по рельсам и через некоторое время исчез за поворотом.

Филипп спустился косогором и пошел прочь от станции. День был жаркий. Впереди по дороге медленно шел человек, одетый в крестьянскую одежду.

– Нам, кажется, по пути? – сказал Филипп, догнав его.

Незнакомец не ответил. Некоторое время они шли молча.

– Ты не узнаешь меня? – спросил Филипп.

– Нет, – ответил крестьянин.

– Ты умирал, а я причащал тебя...

– Может быть...

– Значит, ты не умер, – сказал Филипп.

– Нет, – ответил крестьянин, – не умер.

Они некоторое время шли молча, искоса поглядывая друг на друга.

Вдруг крестьянин улыбнулся.

– Ты что? – спросил Филипп.

– Я тебя помню, – сказал крестьянин. – Хоть лицо у тебя теперь иное... Только опасайся у тебя...

– Милый ты мой, – с неожиданной

горячностью откликнулся Филипп, – что же меня опасаться?... Разве такой уж я дурной человек?..

– А добрые они теперь самые страшные, – сказал крестьянин...

– Это верно, – сказал Филипп, – бесчеловечное время наступает тогда, когда добра опасаться надо... Кто тебе добро сулит – от тех и беги... Вот я сейчас проводил друга... Хотя об этом не надо... Об этом после...

– Я тебе тогда не досказал, что видел, – сказал крестьянин. – Стена там обычная, в два кирпича... А за ней, как во сне, все просто, и ничего удивительного. Это значит, все воспринимаешь спокойно... Что бы ни увидел, словно простую телегу увидел или что-либо такое...

– Ну, зачем ты снова надо мной смеешься, – сказал Филипп, – глупый ты... Да и неинтересно мне теперь все это... Святость смерти меня более не волнует... Меня волнует святость рождения... Рождается ли каждый со своей мечтой или мечты живут ранее нас и после нас... И бывает ли так одинаково в чистые времена и в нечистые... Ведь и времена, друг мой, бывают чистые и нечистые... Как наше... Нечистое оно... Молитва или ненависть... Зазвонят в колокола, и начнется старое, привычное, ужасное дело... Я непонятое, может, говорю, но у меня недавно сон был страшный... Видения вроде... Нас учили, что дьявол – отец лжи... У лжи одна дорога и один конец – она всегда ведет к человекоубийству... А ведь нас обманули – вот что я понял... Ох, как нас обманули после рождения нашего... Вот почему мы друг друга обманываем. Ты меня, я тебя. А кто-то нас всех понемногу...

– Прощай, – сказал крестьянин и свернул на тропинку, ведущую к горной деревушке.

– Ничего, – сказал Филипп. – Теперь это уже неважно...

Крестьянин неопределенно улыбнулся и пошел дальше своей дорогой мимо каменных стен монастыря.

В трапезной ужинали. Монахи и послушники сидели за длинными столами и молча ели. Во главе одного из столов сидел настоятель о. Мартин. Вдруг он оглянулся и вздрогнул: на пороге стоял Филипп.

Он подошел к настоятелю и, опустившись на колени, припал к его руке.

– Накормите его, – сухо сказал о. Мартин.

Служка усадил Филиппа за стол и поставил перед ним миску каши. Филипп принялся за еду.

Трапеза кончилась. Монахи став цепочкой, двигались к корыту с водой и, вымыв свои мисочки, тихо выходили один за другим. Вскоре в трапезной остались лишь Филипп и о. Мартин.

– А где профессор? – спросил Филипп.

– Его здесь нет, – ответил о. Мартин. – Он заболел. После ужина зайдешь ко мне. Я назначу тебе духовника.

Было ясное свежее утро. У монастырского водоема сегодня было особенно много паломников. Водоем представлял из себя чашу, в центре которой бил фонтанчик, на поверхности воды плавало десятка два деревянных ковшиков. Дежурным монахом при чаше сегодня был Филипп. Он откормился, пополнил, а в его движениях и лице появилось что-то ленивое и безжизненное.

Длинным шестом с крючком на конце он подвигал ковшики к краю чаши. Страждущие крестились, черпали воду и жадно пили. Напившись, они швыряли в водоем монеты и уступали место другим. Водоем был огорожен заборчиком с узорной дверцей, в которую по очереди пускали паломников. Тут же, в тени, были сооружены скамьи для тех, кто ждал своей очереди. Однако мест всем не хватало, и те, кто победней, располагались прямо на земле. Среди них были дети, старики, женщины. Народ, главным образом измученный болезнями и дальней дорогой. Были и вовсе парализованные, привезенные сюда родными. Среди толпы шныряли местные нищие, выпрашивая подаяние.

Филипп заметил, что лица паломников озарены надеждой, и, обращая к нему, они как-то чрезмерно кланяются и лебезят. Особенно поразили его глаза молодой девушки, у которой были парализованы ноги. Коляску с ней вкатили в ограждение два старичка, очевидно, ее мать и отец.

– Пей, детка, – говорила старушка. – В этом источнике кровь святой Екатерины, твоей покровительницы...

Филипп посмотрел на красивое лицо девушки и потянул шестом дальний ковш, который был более чист, чем другие.

Обычно в обязанности Филиппа входило лишь придвинуть ковшик к краю чаши. Но Филипп зачерпнул воду и поднес ковшик девушке.

– Спасибо, – чуть слышно сказала девушка.

– Слава Богу, – сказала старушка, ободренная вниманием Филиппа. – Добралась... Три недели ехали... В прошлом году здесь была наша родственница... У нее астма... И вот теперь, она говорит, ей значительно лучше...

– Не отвлекай служителя, – сказал старичок. Он вынул из кармана узелок, развязал его, достал оттуда несколько монет и бросил их в чашу.

К тому времени подошел монастырский казначей, и Филипп потерял на некоторое время девушку из виду. В его обязанности входило также помогать казначею доставать специальным совком монеты со дна чаши и сыпать их в мешок. Он был так занят работой, что не сразу услышал, как его окликнули. Перед ним стоял о. Григориус. Он был не то что худ, а скорее, истощен и одет в лохмотья, на шее висел прежний его крест из старинного серебра.

– Я давно уже здесь стою, – сказал о. Григориус, – наблюдаю. Вот чем ты кончил, Филипп... А ведь мог жить по-божески... Была в тебе чистота все-таки...

– Нет, – чуть слышно сказал Филипп, – не было во мне ничего этого... Никогда я вам не верил ни в чем и лишь теперь это понял.

– А если не верил, – возвысил голос о. Григориус, – зачем же рясу надел?... Ходил бы по земле, как я, и атеизм проповедовал... Я – веру, ты – атеизм... По крайней мере, это было бы честно.

– Вы не так поняли, – сказал Филипп. – Я не Богу, я вам не верил...

– Запутался ты совсем... Раз мне не верил, значит, и Богу... Ибо Бог там, где правда... Со мной правда, – возвысил голос о. Григориус, – значит, со мной истинный Бог... Тоттиан, учитель первых времен церкви, говорит, что несчастье оттого, что признают ложного Бога... Лучше безбожие, чем ложный Бог... Лучше атеизм...

Паломники уже теснились вокруг, с тре-

вогой и недоумением глядя на о. Григориуса, глаза которого горели лихорадочным огнем...

В это время в воротах монастыря появился о. Мартин. Увидев своего врага, о. Григориус еще больше распалился.

— Вот он идет! — крикнул беглец. — Слуга Господа!.. Тот, кто должен пробуждать в других духовную жизнь... Ведь совестно сказать, как мало нужно людям, чтобы освободиться от всех своих бедствий... Надо только не лгать... А он лжет... Вас обманывают! — обернулся о. Григориус к толпе. — Там, за стеной монастыря, монах вручную накачивает воду из обыкновенного колодца сюда, в эту "святую" чашу... Настоятель обещал мне много раз, что ликвидирует этот обман, поэтому я молчал... И я виновен... Но ты-то!.. Зачем ты обманываешь этих бедных и больных людей?.. Зачем последние гроши из карманов их крадешь?.. Ты Бога продал и его именем разбой творишь... Будь ты проклят!.. Тьфу!.. — и он, разгорячась, плюнул в настоятеля монастыря.

И тут же закричала какая-то кликуша. Крик ее словно разбудил толпу.

Первым к о. Григориусу подбежал старичок, отец парализованной дочери, и толкнул его. Кто-то из больных заплакал.

О. Мартин успел шагнуть и стать между о. Григориусом и толпой. Однако какой-то нищий, увешанный веригами, метнулся в сторону и ударил о. Григориуса костылем в висок. О. Григориуса подбросило, он завертелся волчком, потом неожиданно побежал, как-то мелко семеня ногами, вдруг остановился и рухнул навзничь.

Толпа паломников и нищих стала таять.

О. Григориус лежал на окрашенной кровью земле, запрокинув голову.

По длинному больничному коридору шел профессор Деккер в сопровождении сестры милосердия. Судя по тому, как профессор изменился, прошло не менее

десяти-пятнадцати лет. Он сильно постарел, сгорбился, и в выражении его лица появилось что-то детское. Вместе с сестрой Деккер вышел в приемный покой, где на скамейке ждал его Иаков. Иакова узнать было еще труднее. Он был уже совсем старик. На нем непривычно после монашеской рясы сидел какой-то кургузый пиджачок и узкие брюки. Увидав профессора, Иаков радостно бросился к нему. Деккер же встретил Иакова довольно равнодушно.

— Посидите здесь, — сказала сестра, — я принесу вещи.

— Хорошо, — сказал Иаков, — мы подождем.

Они уселись и стали ждать.

— Ну, как вы? — спросил Иаков.

— Вот беда, со вчерашнего дня мучит изжога. Хотелось бы выпить зельцер вассер, — сказал Деккер.

— Сейчас ваши вещи принесут, пойдем в кафе, — сказал Иаков.

После этого профессор замолчал. Иаков несколько раз на него поглядывал, но заговорить не решался. Одна пуговица на рубашке профессора была расстегнута, галстук сбился набок. Иаков встал, застегнул ему пуговицу и поправил галстук.

Вошла сестра, протянула Иакову чемодан и плащ профессора.

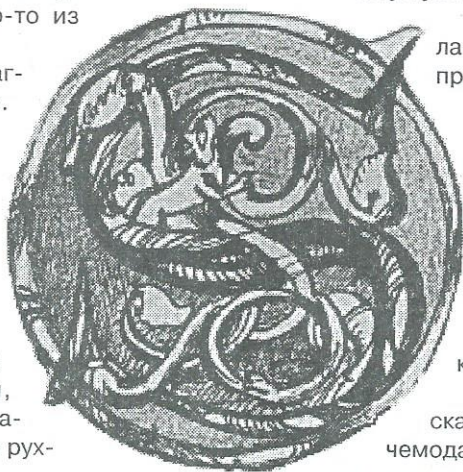
— Всего хорошего, — сказала она Деккеру. — Поправляйтесь.

Европейское лето было в разгаре. Чистенький городок утопал в зелени. Небо, однако, было покрыто облаками.

— Дождь начинается, — сказал Иаков. Он поставил чемодан и надел на профессора плащ. — Зайдемте в кафе, — сказал он, — тут рядом. Переждем дождь и зельцер вассер выпьем.

На улице им дорогу преградила военная колонна. Катились двуколки, шли солдаты, прогрохотала полевая кухня.

Кафе находилось в полуподвальчике, и все столы были заняты. Тут происходил какой-то диспут. Выступали ораторы, и слу-

шатели встречали их то шиканьем, то возгласами одобрения и аплодисментами.

Иаков, поискав взглядом столики, хотел было выйти, но на улице уже шумел ливень и пришлось остаться. Деккер и Иаков стояли на пороге кафе, глядя сквозь стеклянную дверь на улицу. Вдруг один из слушателей, особенно громко выразивший то восторг, то негодование, обернулся и вскочил. Это был Самуэль.

За эти годы Самуэль изменился меньше других. Он, правда, хоть и поседел, но выглядел даже помолодевшим. Движения его были порывисты и энергичны.

– Господи, да ведь это профессор Деккер, – сказал он подходя. – Я видел вас всего раз, и отношения между нами складывались, к сожалению, не совсем... Но тем не менее... Я позднее читал о вас и вспомнил... У меня чудесная зрительная память... Я и вас помню, – обернулся он к Иакову. – Не хотите ли присесть? Я сейчас достану стулья... Часто здесь говорят, конечно, вздор, но иногда, представьте себе... весьма...

Он сбегал куда-то и принес два стула. Деккер и Иаков сели рядом с Самуэлем у его столика.

– Нам бы зельцер вассер, – сказал Иаков.

– Это не сложно... – сказал Самуэль и куда-то убежал.

– Всякий раз, когда наступает естественный предел какого-нибудь исторического этапа, – говорил один из ораторов, – те, кто не понимает исторических пружин развития, начинают кричать о последнем пределе научного, философского и религиозного мышления, после которого наступает чуть ли не конец цивилизации и нравственности, а поскольку каждый из этих

господ неизлечимо болен обычным бытовым эгоизмом и не мыслит себе жизни без своей нравственности и своей цивилизации, то они неизменно время от времени, в конце того или иного столетия предсказывают и конец света...

Послышались крики одобрения одних и шиканье других.

– А в чем внутренний конфликт религии? – выкрикнул какой-то юноша. – Внутренний конфликт религии освещен недостаточно...

Вернулся сияющий Самуэль, поставил бутылку и стаканы.

– Чудесно говорит, – обернулся он к Деккеру. – Это великий человек... Главное, найти и понять. Мы ведь блуждали во тьме... Сколько у меня даром ушло дней, месяцев, лет... А ведь я смертен. Я весь тут... Я не верю в потустороннюю жизнь... Ах ты господа, господа... Скажите мне, тот

чудесный молодой человек... Филипп... Что с ним?

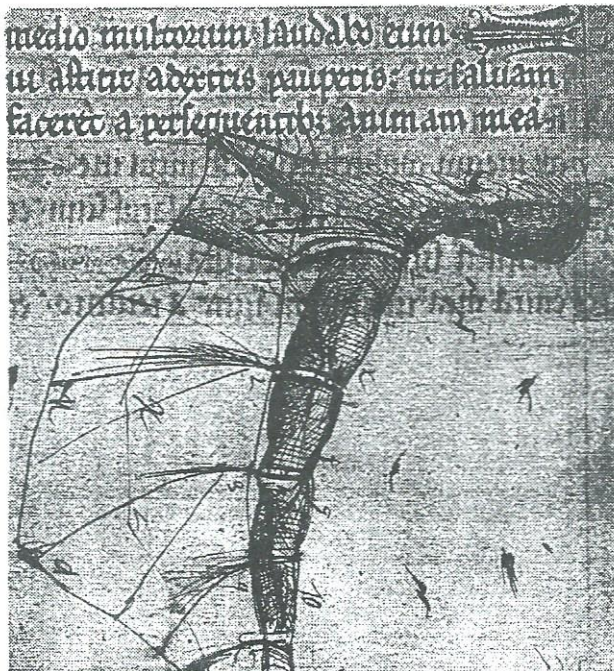
Деккер не отвечал.

– Разве вы не узнаете меня? – шепотом спросил Самуэль. – Я был с ним все время... Ради него я оставил семью... Я ведь один давно... – Он повертел стакан в руках. – Но я ни о чем не жалею... Лишь теперь я живу по-настоящему... Я теперь жадно живу...

– Он летал, – продолжал Са-

муэль. – Это был первый в мире летающий человек.

– Речь идет, – говорил в это время другой оратор, – не об исторически проходящих вещах, а о том, что вечно... Когда человек бессознательно ищет Бога, а сознательно его отвергает, тут-то и наступает его трагедия... Тут-то и заключается тра-

гедия всякого честного материалиста...

– А в чем трагедия честного идеалиста? – выкрикнул кто-то с места.

На него зашикали, кто-то засмеялся.

– Внутренний конфликт религии! – по-прежнему кричал юноша. – Древний Рим пал не под ударами варваров, его съел внутренний конфликт, неотвратимый и неизбежный...

Заспорило сразу несколько голосов. Кто-то свистнул.

– В основе этих рассуждений, – говорил первый оратор, – лежит хорошо нам теперь знакомая игра слов: стремление к добру и правде есть искание Бога... Следовательно, если человек стремится отдать себя служению народу, а это есть добро – то он бессознательно ищет Бога... А так как он не хочет стать на религиозную точку зрения, то он непоследователен... Отсюда ясно, что игра слов о трагедии всякого честного материалиста по своей теоретической ценности не превышает плохого каламбура...

– Но всеобщая цель! – кричал второй оратор. – Чем вы обозначите всеобщую вечную цель человечества, если нет Бога? Обозначьте так, чтобы она понятна была не только отдельным мыслителям, а широким неграмотным массам... И так, чтобы она звала их не к материальному насыщению, а к духовным высотам.

– Пойдемте, – сказал Иаков Деккеру. – Здесь шумно...

Они встали и пошли к выходу.

– Позвольте, – заспешил следом Самуэль. – Я все-таки хотел бы узнать...

Они вышли на улицу. Дождь еще лил, но не такой сильный.

– Я хотел бы узнать о Филиппе.

– Он вернулся в монастырь, – сказал Иаков. – Теперь он, кажется, тоже в Европе... Он священник...

– Ах, как жаль, – сказал Самуэль, – настоящая жизнь – вот она... Интересные встречи, борьба, полемика... Вы знаете, вот у меня записано, – он начал рыться в карманах. – Ах, вот оно, в блокноте... Я вам прочту: "Ребячеством является взгляд, согласно которому подлинная жизнь, настроения и действия людей определяются тем, верят ли они или не верят в бытие сверхъестественных существ..." Как замечательно сказано... Правда ведь?..

В это время из кафе донесся крик восторга и бурные аплодисменты. Самуэль кивнул собеседникам, повернулся и побежал назад в кафе.

Верден. 14 сентября 1915 года.

Над землей вспыхивали белые облака разрывов. Каждая вспышка сопровождалась сухим раскатистым грохотом, после чего в воздухе возникали свистящие звуки, неслись вниз и затихали, шурша в траве. Изредка раздавался стук пулемета да несколько одиночных выстрелов то с одной, то с другой стороны. Это была временная передышка.

Солдаты, готовые к атаке, уже сидели в передней траншее в касках, с примкнутыми к винтовкам штыками.

– Капеллан! – крикнул чей-то сердитый голос.

По траншее на голос пробирался капеллан – батальонный священник. Это был Филипп.

Он постарел, под глазами у него висели тяжелые мешки. В руках его была Библия.

– Капеллан! – кричал узколицый солдат с усиками. – Успокойте его, – сказал он, когда Филипп подошел. – Он всем на нервы действует.

Рядом с узколицым в цепи сидел молодой солдатик, совсем мальчик, и плакал, как плачут дети, когда остаются одни в темной комнате.

– Боится, – сказал узколицый и нервно усмехнулся. – Давайте, объясните ему про Бога, про рай...

– Ты больше его боишься, потому и злишься, – сказал пожилой солдат узколицему.

Молоденький солдат между тем, не стесняясь, продолжал плакать, слезы лились у него по щекам. Ремень его каски намок. Филипп снял с него каску и положил ладонь ему на голову.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Александр, – всхлипывая сказал солдатик.

– Вспомни все доброе, что было у тебя в жизни, – сказал Филипп. – Мать, отца, друзей.

– Мать у меня вдова, – сказал солдатик, припав к руке Филиппа щекой, – отца нет... Я молился всю ночь, не спал, а мо-

лился, но мне не стало легче... Я молился, что если уж угодно меня покарать, то пусть я буду изранен, неподвижен, не буду владеть ни руками, ни ногами, ослепну и оглохну, но пусть останется во мне хоть искорка жизни... Помогите мне, отец... Пусть от меня все отвернутся, пусть я останусь один, пусть я буду калекой, пусть я буду несчастным, бедным, лишь бы во мне осталась хотя бы искорка жизни... Помогите мне...

Филипп молча стоял и смотрел на солдата.

– Прости меня, – сказал он наконец. – Я не умею тебе помочь. Не могу тебе помочь, не могу объяснить, не могу утешить... Хотя только ради этого я и жить-то должен бы был... Может быть, благодаря этому мгновению и жизнь моя смысл имела бы... Прости меня... Я не вижу пути к твоему спасению и не знаю даже, в каком направлении его искать.

– Он снятил со страха, – сказал узколицый. – Вон какой бледный.

– Конечно, – сказал Филипп. – Мне, как и вам, страшно умереть... Не страшно только тем, кто знает, зачем он жил... Кто знает эту великую тайну... Те, кто знают, зачем и для кого жить, истинно святые... Вот где величие и подвиг. В знании этого. Небо нам этого понять не поможет... Небу нет дела до нас... Человек для него слишком ничтожен... Ответ надо искать на земле... Вот единственное, что я понял... Спасибо и на этом...

– Что здесь происходит? – подбежал офицер. – Что с вами, капеллан? Говорят, вы больны? Оставайтесь здесь, – сказал офицер. – В офицерском блиндаже...

– Нет, я пойду со всеми, – сказал Филипп.

– Прекратить разговоры! – снова обернулся офицер к солдатам. – Приготовиться!.. Сигнал газовой атаки – частые удары штыком по котелку...

– Внимание, – крикнул кто-то в конце цепи. – Надеть противогазы!

– Надеть противогазы!.. Противогазы надеть!.. – пошло по цепи.

Разом исчезли человеческие лица. Цепь в противогазах, с винтовками наперевес поднялась и двинулась по полю.

Филипп шел вместе со всеми. Цепь не успела пройти и нескольких шагов, как на

нее обрушился огненный шквал. По земле поползли облака ядовитого газа. Разрывы терзали воздух, перемалывая на своем пути все живое. Клубился дым, сотрясалась земля.

Филипп был убит одним из первых.

Над Верденом бушевал ад из пламени и металла. Это в огненной купели крестили двадцатый век.

Рисунки Екатерины Рожковой.

